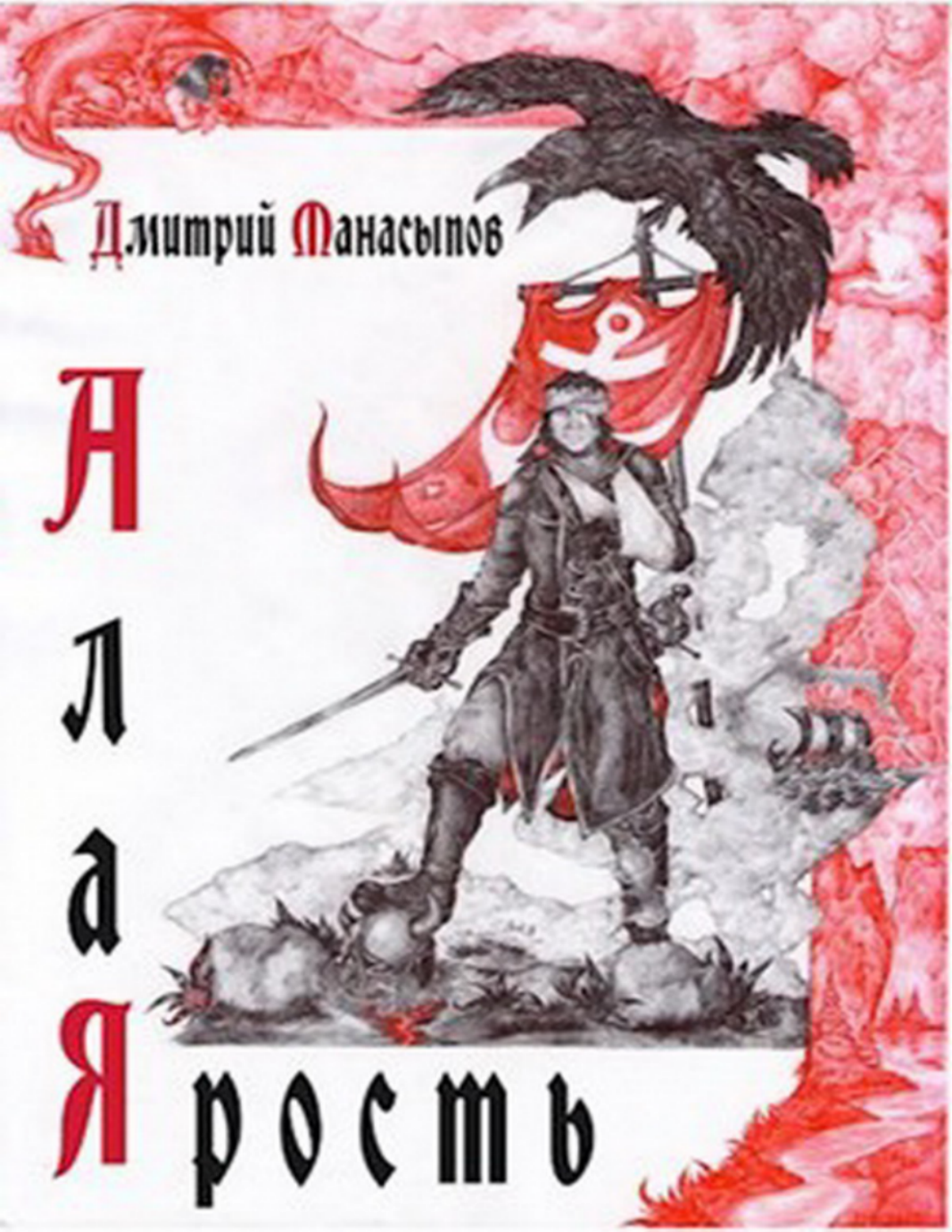
Дмитрий Манасыпов

Злая ярость



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Истории мира, уничтожившего собственную магию. Мира, не помнящего про нее. Мира, живущего на тонкой грани с другим, темным, опасным, жадным… Охотник за головами. Наемник. Человек без прошлого. Мастер меча. Освальд из Старой Школы. Идущий по своей дороге и не знающий, что прячется за новым поворотом. Поворотом в мире, где снова сгущается тьма. Это прямое продолжение книги "Охотник за головами". Освальд, подписав контракт с империей Безант, теперь охотится на чуть другую дичь. Опасную, странную, страшную. И головы, перекатывающиеся в мешке и стучащие о седло — не всегда человеческие. Добро пожаловать:)

- Дмитрий Манасыпов
  - К читателям (необязательное для ознакомления предисловие)
  - Огонь и ветра-1 (год 1410-ый от см. Мученика, Янтарное побережье)
  - Запретный лес-1: старый-добрый Гриф
  - Запретный лес-2: мёртвое взморье
  - Запретный лес-3: Зелёная застава
  - Запретный лес-4: Чихъ и немного мудростей
  - Запретный лес-5: след дракона
  - Запретный лес-6: кривозуб и женщина леса
  - Запретный лес-7: Лисы, тиллвег и храм Древнего
  - Запретный лес-8: тёмный страх
  - Запретный лес-9: ручей, бурлящий алым
  - Запретный лес-10: костяной лес
  - Продолжение следует

Дмитрий Манасыпов
Алая ярость

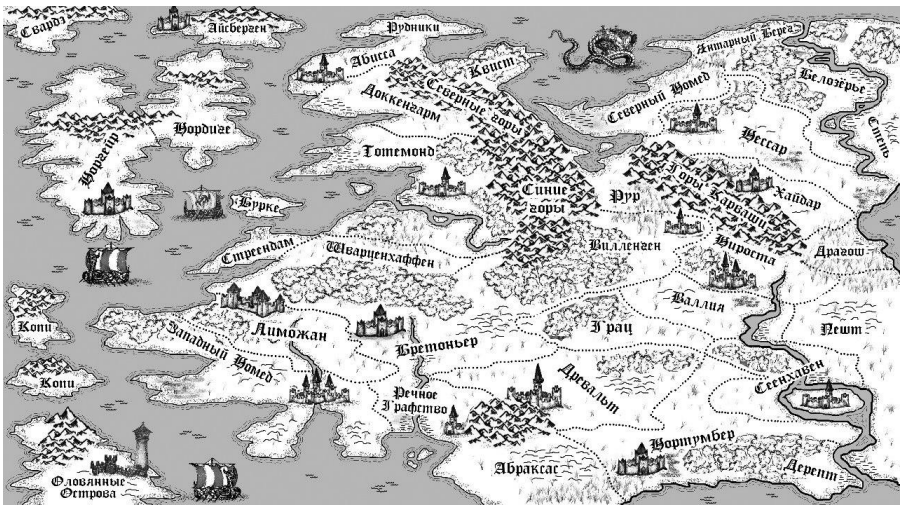
К читателям (необязательное для ознакомления предисловие)

"Волшебник никогда не опаздывает или приходит слишком рано. Он всегда появляется когда нужно" (с) Гэндальф Серый, Дж. Р. Р. Толкиен, "Властелин Колец" или Питер Джексон, одноименный фильм (неточное цитирование).

Это про "Алую ярость". Она как-то очень долго, аж с 2012-го года ждала своего времени и дождалась. Причем, именно благодаря сайту АТ. Чему несказанно рад.

Это вторая книга из задуманной когда-то трилогии про Освальда, охотника за головами. И не только за ними. Добро пожаловать и не удивляйтесь самой схеме выкладки. В ней не будет ничего сложного. И, да, эта книга также состоит из отдельных, связанных местом, временем и героями, новелл.

П.С: карта вам в помощь, так удобнее.



П.П.С: добро пожаловать, будет интересно)

Огонь и ветра-1 (год 1410-ый от см. Мученика, Янтарное побережье)

Солнце вставало над ельником и березами, красило бор и рощицы утренним розовым золотом, тянулось к темным чащам, начинавшимся дальше. Ветер носился поверху, нырял из-за деревьев, пускал дрожащую волну по траве у дороги. Гнал перед собой пыль и долгожданное тепло, пах вчерашним дождем и ландышами,

Человек спустился с холма, изменяя самому себе в торопливой гонке уставшего вороного. До дома ему оставалось всего ничего, хотелось лететь, стлаться над густой травой прогалин и одним махом преодолевать частые ручьи и пару мелких речушек, наплевав на перекинутые через них мостки.

Есть что-то лучше возвращения домой? Туда, где ждут тебя просто потому, что ты нужен? Наверное, что нет. Возвращаться откуда угодно, спустя сколь возможно времени. Ждать каждый из знакомых поворотов дороги, бегущей, кажется, сама по себе. Всматриваться вперед, выглядывая собственный дом…

Улыбка мелькнула, тут же спрятавшись на уже немолодом и обветренном лице. Скоро, скоро!!!

Вороной покосился назад, всхрапнул, почуяв слабину удил искусной рурской работы, украшенных лиственным орнаментом и медными кольцами. Сам конь торопиться не хотел, в отличие от всадника, даже чуть толкнувшего пятками в бока. Человек потрепал его за ушами:

— Извини, друг. Просто я очень хочу домой.

Тот всхрапнул еще раз и ударился в торопливую рысь, понимая — всадник затеи точно не оставит.

А жизнь по сторонам лесной дороги совсем проснулась, наполняя лес звуками и движением. Здесь, на побережье, после последней войны животные радовались безлюдью и плодились на радость забредающим охотникам.

Мелькнул серой шубкой меж грабов и клёнов заяц. Рыженькая веверица, скакнув с ветки на ветку, быстро поднялась по стволу вверх. Справа, за орешником, следили глазами настороженные пятнистые олени, готовясь в любой момент сорваться с места. Перед самыми копытами вороного, ворча и фыркая, толстая барсучиха провела совсем уж ранний выводок из пяти барсучат.

Всадник скрылся за поворотом, когда, ломая кусты, следом выбрался хозяин оставшегося куска когда-то великих лесов.

Встряхнулся, помотав густой бурой шубой, покачал громадной башкой и громко, видно для порядка, рявкнул, заставив таки исчезнуть оленей.

Маленькие темные глаза внимательно смотрели вслед человеку. Нос медведя жадно вдыхал воздух, ловя ветер, дувший навстречу, ощущая в нем самый страшный для любого зверя запах. Воздух пах очень дальним пожаром.

Человек замер на последнем холме перед спуском к укромной опушке, где два года назад построил дом. И, наконец, увидел подозреваемое последнюю треть пути:

Жирный черный дым, поднимающийся снизу.

Едкий запах гари, вбиваемый ветром в ноздри.

Обгоревшие остовы дома и пристроек.

Два одиноких тела в кожаных доспехах

Его пес, длинношерстный рыжий волкодав с Оловянных островов, уложивший этих двух и проткнутый стрелами.

Он спустился к пожарищу, стоял перед дымящими и догорающими остатками не так давно сбывшейся мечты. Пепел, поднятый ветром и осевший на голове и плечах, сделал его похожим на статую из песчаника.

Серые губы тихо шептали что-то. Тонкие разводы, промытые слезами на щеках, едва заметно шевелились вслед словам. Пальцы сжимали мертвой хваткой пергамент, снятый с вбитой в землю рогатины, пергамент, покрытый строчками ровных затейливых букв.

Вороной Аспид ткнулся в плечо, пытаясь расшевелить хозяина и друга, увести его из места, смердевшего смертью, спаленной плотью и горькой гарью дотлевающего дерева.

Буквы, выведенные на пергаменте, черные с зеленью, сказали мужчине все нужное. Прошлое вернулось, как бы он не старался удрать от него. Ведь прошлое случается разное. И не обязательно доброе и хорошее.

Он набрал воды в два кожаных бурдюка и флягу, долго пил, наплевав на стылую воду родника. Здесь ему делать было точно нечего, здесь все ясно. Тем более, наплевав на пепел с сажей, исползал пожарище вдоль и поперек, ища любые следы и зацепки. Буквам на коже не верил, слишком просто.

Вечером, в том самом бору, оставленном за спиной утром, трещал валежник. Аспид, устав за день, спал, даже улегшись на прогревшуюся землю. Мужчина, крутя в руках затейливое ожерелье-оберег, достав его из-под рубахи, смотрел в огонь, нащупывая подвески.

Длинные сильные пальцы чуть поглаживали семь серебряных медальонов. Пальцы, на которых не было застарелых мозолей от мотыги, топора или лопаты. Эти-то были ещё новыми и непривычными, вновь заживающими всего лишь третью весну.

А вот старые, ровными валиками покрывающие ладони и подушечки пальцев, умному и повидавшему человеку сказали бы о многом.

Хотя бы о том, что их владельца кормило железо. Только не рыхлившее и вскапывающее землю, валящее деревья и добывающее зверя. А другое, умело используемое этими руками и забирающее жизни людей. И тот, кто понял бы это — несколько раз подумал бы, прежде чем пытаться задирать владельца застарелых мозолей.

Первым Освальд оторвал лук со стрелой. Сильно сжал, прошептав когда-то заученные слова, дождался легкого треска. Листва колыхнулась сразу, зашумев под вдруг налетевшим ветром. Серебряное оружие разлетелось под ним, закружившись невесомой пылью, блеснувшей лишь раз. Когда ветер понес ее куда-то на северо-восток.

Запретный лес-1: старый-добрый Гриф

Коня ему пришлось оставить в пограничной деревеньке у Зеленой заставы. Толку от бедной животины здесь, под густыми плотными кронами и землёй, повсюду вспученной корнями, заросшей густым подлеском и кустарником? Если только тихо идти сзади, по еле заметной тропке. Да и заметная-то она только из-за проводника, сморщенного ушастого грибка-старичка, нанятого за деньги, равные покупке хорошей коровы. Да даже с телком.

Дедок, даром, что в жидких седых волосах за ушами охотнику привиделась чуть ли не плесень, бойко топал вперед. Да так, что порой Освальд разве что бегом не бежал. А как раз это-то здесь следовало делать внимательно, если сноровки нет. Корней, неожиданно вылезающих из-под земли, вокруг хватало. Как и поваленных временем старых деревьев. Это ведь запретный лес Квист, из которого очень часто не возвращаются. Да и ходят в него не очень часто. Освальду выбирать не приходилось.

— Здравствуй. — Гриф рукавом дорожного кафтана желтой замши смахнул на пол крошки, не дожидаясь прихода служанки, полноватой девки с немного глуповатым лицом. — Как всегда вовремя и, как обычно, ты мрачен.

— И тебе здравствовать. — Освальд положил на стол перевязи со шпагой и даго. — Мне следовало улыбаться, получив твое приглашение? Так я и мечтал попасть не на постоялый двор где-то в глуши, а на виллу кесаря Солнца с дегустацией вин из императорского погреба и нескольких восточных невольниц, так и ждущих, чтобы меня ублажить.

— Что ты находишь в женщинах оттуда? — Гриф сурово посмотрел на наконец-то додумавшуюся подскочить служанку. Потянул носом. — Вина, только лучшего. Так, насчет еды… Моему другу мяса, а мне… а мне каплуна. С травами и орехами.

— А если я тоже хочу каплуна?

— Двух каплунов. — Шпион оказался в образе аристократа откуда-то с Нортумбера, и явно решил не жадничать по своему обыкновению, цепляя маску купца. Кафтан-то пусть и из замши, но с какой отделкой? Даже плащ, с подбоем из мягких черных шкурок на шпионе, чаще всего скромном, выглядел до неприличия дорогим. — Если тебе нужны настоящие невольницы с Востока, я готов тебе их предоставить.

— Спасибо, сам разберусь. Как самочувствие, служба?

— Не жалуюсь… — Гриф брезгливо покосился на плешивого кота, решившего потереться о его сафьяновый сапог. — Староват стал, суставы болят в непогоду. Служба служится, хотя бывают всякие в ней моменты. Некоторых приходится потом ловить по всем Вольным городам, к сожалению. А они потом еще и пытаются отмалчиваться, пакостники. Не дать ни взять — нашкодившие школяры.

— В аптеке Нироста, той, что у красных ворот, делают хорошую мазь из барсучьего жира и змеиного яда, говорят, помогает.

— На суставы намазывать, или растопить и заливать во все отверстия для развязывания языков?

— Думаю, что сам разберешься. — Освальд подождал, пока женщина протрет у них на глазах стаканы и забрал у нее бутылку. Вино, темно-красное, с запахом терна и можжевельника, лениво скатывалось по почерневшей серебряной стенке. — Твое здоровье, Гриф.

— Твое, Освальд. — Шпион покатал вино по рту, проглотил. — Надо же, неплохое. И все равно морщусь, да?

— Это уж у каждого свое, что и сказать. В следующий раз закажи мне пива, не так потратишься, да и самому может быть вкусно. Если знать, где его покупать.

— Да? Посоветуешь что-то?

— Обязательно… — Освальд покосился в сторону трех ребят, приехавших с Грифом. Почему-то он не сомневался в том, что их куда больше. Гриф остался верным себе, окружая себя разнокалиберной дорогостоящей мразью, умеющей убивать как никто другой. — Смотрю, опять поменял себе гвардейцев?

— Да нет… — Гриф недовольно зыркнул на служанку, снова забывшую про заказ. Девки тут же и след простыл. — Часть во дворе, свита, оруженосцы и прочее. Десяток, просто так не спрячешь.

— Интересные у тебя новички. — Освальд поскреб щеки и подбородок, крепко заросшие рыжеватой щетиной. — Кайлига Ономассер, тощий ублюдок, убивший о прошлом годе барона Мелса из Бретоньера в отместку за оскорбление. Шуточное, если уж разбираться. Судом магистрата приговорен к смерти через повешение, с предварительными вырыванием ноздрей и поркой. Мастер фехтования, бывший офицер латников Доккенгарма.

Освальд перевел взгляд с щуплого и подвижного бывшего военного на крепкого и неулыбчивого парня с одним глазом и его соседа, чернявого бородача с длинным и страшным шрамом, уходящим концом в смоляную метлу, спадавшую на грудь.

Отхлебнул из стакана, продолжив:

— Керт из Кременца, единственный относительно честный наемник из трех. Тоже не без греха, в прошлом году насильно забрал от паломниц девушку, только принявшую постриг и шедшую в свой монастырь. Изнасиловал ее, сейчас та работает у отца Крёгера в канцелярии Огненной палаты, как ни странно. Получив специальное благословение, да уж. Наводит страх и ужас на подозреваемых в ереси и плотских грехах, носит серый плащ с красно-золотым крестом поверх доспехов. А Керт с тех пор опасается священников и их собственной стражи. Третий…

— Черный Ормузд, полукровка, отец из гвардии Халифата, мать — одна из последних аль-шатани Востока. Кто из них кого изнасиловал неизвестно даже их ублюдку. Спасибо, Освальд, ты мне еще раз напомнил о моральном облике моих людей. Вот только я теряюсь в догадках — для чего? — Гриф поправил очки.

Освальд пожал плечами, отодвинулся, позволив служанке поставить блюдо со шкворчащей жиром птицей.

— Я и сам не лучше их.

— Разве что мне ни разу не приходилось слышать, чтобы ты кого-то насиловал. — Гриф с хрустом отломил ножку, помотал ей в воздухе. — Ты это к тому, что, несмотря на разное положение — мы с тобой равны в плане налипшей на нас грязи?

— Вроде того, — каплун оказался зажарен великолепно. — Для чего ты меня нашел?

— Надо бы заняться одним неприятным типом. — Гриф пожал плечами. — Все как обычно.

— Кто он, как зовут? И почему ты приехал сам, не передал через посыльного? Я останавливался во всех обговоренных точках в необходимое время.

— Дело тонкое, можно сказать, щепетильное. — Гриф промокнул губы оставленным служанкой полотенцем в жирных разводах. — Мне нужен этот прохвост, живым.

— Так… — Охотник откинулся на спинку стула, качнулся на ножках. — И еще вопрос, Гриф, а где он, ты говоришь, спрятался от тебя?

Шпион молча пережевывал каплуна, намеренно отхватив кусок побольше и явно растягивал разговор. Освальд нахмурился. На Грифа это никак не походило.

— Его зовут Тило Ноерми, он, э-м-мм, — шпион покрутил в воздухе остатком второй ножки. — Колдун, очень сильный. Да, возможно, что и морской, из того странного народца, жившего на севере, ну, знаешь…

— Знаю. — Освальд отставил каплуна и взялся за прожаренные свиные ребрышки. — Не народец, скорее клан,

точно. Морские колдуны среди них рождались до первых походов ополчения Мученика, потом почти всех сожгли. А сами себя они почему-то потушить водой не смогли. Почему-то…

— Точно, так оно и было, запамятовал. — Гриф усмехнулся. — Хорошая у тебя память.

— Не отнять. Итак, потомок настоящих колдунов, это еще ладно. Где он?

— Квист. — Гриф последовал примеру Освальда, откинувшись назад и распустив пояс. — Ох, милая, насколько же хорошо готовит ваша кухарка. А не подскажешь…

— Обожди-ка, что ты сказал, Квист? — Освальд непонимающе посмотрел на шпиона.

— Ага… — Гриф поковырялся в ухе мизинцем. — Милая, а попроси поджарить мне еще колечко колбасы. Ты опасаешься этого леска?

— Да, — охотник пожал плечами. — Из него очень редко возвращается кто-то из обычных людей, не живущих возле него с детства. А те возвращаются через раз. Оно мне зачем надо?

— Ну… — Гриф снял очки. — Потому что ты сам решил работать тем, кем сейчас являешься. Охотиться на обычных людей тебя тянуло, но не так, как на всяких нелюдей. У меня вот тут в сумке есть копия нашего с тобой договора, показать?

Свиток из кожи, тисненной по краям золотом, казалось, сам возник в его руках. Освальд хмыкнул.

— Я слово в слово могу рассказать о том, что там. Дело в другом. И вовсе не в том, что по договору мне полагается выбивать долги из мошенников.

— В чем?

— Квист очень опасное место. Говорят, что в горах Карваш есть Хозяйка.

— Говорят. — Гриф кивнул головой. — Я не встречал.

— Мне доводилось. — Освальд почесался. — Еле живой ушел с перевала и потом отправился через море в Сеенхавен, кажется… Живой наполовину. Сколько таких, как она живет в этом лесу, не знаю. Дыма без огня не бывает, ты же знаешь.

— Понимаю. — Гриф положил на стол глухо звякнувший кошель. — Здесь только на расходы, оплата будет больше. Некого туда послать, охотник. Ушли уже три отряда, проверенные люди, солдаты Северного номеда. Не вернулись.

— Понятно. — Освальд потянулся. — Знаешь, почему я не наплюю на наш договор?

— Потому что я приехал к тебе сам, надо полагать?

— Нет. Просто что-то неспокойно в последнее время повсюду. Странное ощущение, Гриф. Еще пять лет назад бабок-травниц в

деревнях прятали от приезжих, и только в нескольких Вольных городах маги жили открыто. А сейчас наоборот, да еще как. Я вот только не понимаю, тебе-то какой резон выслеживать их?

— Хм… — Гриф покосился на Кайлигу, громко спорившего о чем-то с Кертом за соседним столом. Наемник, поймав взгляд командира, неторопливо, не теряя собственного достоинства, замолчал. — Резонный вопрос.

Освальд крутил в руке стакан. За время, прошедшее со схватки с Мясником, по поручениям Грифа ему приходилось делать многое. Сколько стерлось лошадиных подков и подошв с каблуками его собственных сапог, Освальд даже не хотел вспоминать. И кое-что он понял. Например, то, что кесарь-Солнце фанатик, ненавидящий магию в любом ее проявлении.

— Когда Тило в последний раз показался на северном берегу, там случилось много интересного. — Гриф отпил вина. Темно-бордовые капли повисли на аккуратно подстриженных усах и ухоженной бородке. — Например, погибло несколько рабочих карбасов рыбаков. С людьми, сам понимаешь. Одну из деревенек пришлось сжечь… вместе с оставшимися жителями. Какая-то непонятная эпидемия, до сих пор не могу разобраться, что и к чему.

— Как могли непонятно погибнуть пусть и маленькие, но суда? — удивился Освальд. — Это же очень оживленный кусок моря.

— Выживший мальчишка рассказал про странную тварь, помесь акулы и кого-то еще. Сил Тило на большое не хватило и он ушел. В Квист, куда его зажали конные разъезды.

— Он же наверняка там и помер. — Освальд зубами потянул кусок мяса. — Квист запретный лес, там более, для малефиков.

— Не скажи, друг охотник… Квист это, в первую очередь, загадка. Громадная часть суши северо-востока, ограниченная только горами у Доккенгарма и Абиссы, и останавливаемая выжженными каждую весну и лето полосами по остальным сторонам. Ну и море, не пускающее этот кусок страшной древности. Вот именно из-за этого я им и заинтересовался. После той деревни рыбаки дрогнули, некоторые начали сниматься и уходить подальше.

— Понимаю. То есть кусок суши освободился?

— Нет, наместник Номеда не дал Квисту такого шанса. Хотя и пришлось ослабить границы.

— Очень мало знаю про этот лес, Гриф. — Освальд откупорил вторую бутылку. — Практически ничего.

— Я тоже, Освальд. Из имеющихся источников в архивах Его величества вытянуть можно не многое. Куда больше мне

рассказал наш с тобой общий знакомый из Сеенхавена.

— Старик один грустит?

— Да, спивается. Квист — странный и старый лес. В него стараются не заходить даже оставшиеся ночные эльфы. Что может тебя там ожидать, не знаю. Вот здесь описание нужного тебе проводника, не смейся, когда встретишь его. Говорят, что лучше не найти. Берет прилично, в других краях за эти деньги можно нанять банду головорезов.

— Я понял. Ты хочешь, чтобы Тило оказался у тебя живым? Для чего?

— Показательно казнить его в Северном номеде, на побережье. Чтобы рыбаки знали о том, что империя их защищает.

— Благородная цель.

— Очень. Кормить войско наместника чем-то надо, и лучше уж рыбой, чем солониной и сухарями. Каждый день, когда карбасы не выходят в море, наместник тратит золото на покупку провианта про запас. Перерасход казны кесарем не приветствуется.

— Понятно. Беспокоишься о территориях империи и их жителях?

— Какая разница? — Гриф пожал плечами. — Когда отправляешься?

— Поутру, как высплюсь. Ты заметил, что хозяин смотрит на нас испуганно?

— Сразу же, как остановился, так и заметил. Скорее… настороженно. Вряд ли ты тут поспишь. Спрятать талисманы с ворот он не успел, так что, скорее всего я найду причину и спалю это место.

— Ты жесток, Гриф.

— Не больше чем сам хозяин. На тракте уже пропало несколько небольших обозов, в основном с женщинами и детьми. А запах топленого человеческого сала ни с чем не перепутаешь. Порой можно сделать что-то благородное просто так, из хорошего настроения.

— Правда? — Освальд покосился на начавшийся во дворе гомон и стук копыт вновь прибывшего отряда. Выглянул в окошко. — Что, интересно, делает здесь местный инквизитор и его люди?

— Кто знает… — Гриф кивнул наемникам за соседним столом. В воздухе свистнула сталь, пробив горло бросившемуся к выходу золотушному кухонному мальчонке. — Наверное, какой-то добропорядочный поклонник веры Мученика и восставших Отцов отправил письмо с гонцом?

— И, правда, что это я? — Освальд усмехнулся кончиком

рта. — А уж подружиться с инквизитором этому поклоннику сам Мученик велел.

Гриф не ответил, вставая и поворачиваясь к порывисто вошедшему внутрь высокому худому мужчине в плаще ордена Отца Петра поверх ребристой кирасы. Звякнули наплечники, украшенные алой эмалью и крестами, в тон отозвалась цепь с серебряным жетоном и длинный узкий меч у пояса.

Следом за ним внутрь втиснулись трое в плоских стальных шлемах и нагрудниках. У одного в руках, крепко стиснутое, смотрело вперед острым широким жалом с перекладиной копье. Его товарищи держали мощные арбалеты с двумя луками на каждом, широко разошедшиеся в последнее время. Освальд не удивился, заметив на льдисто поблескивающих наконечниках вязь надписей. Сталь для инквизиторов всегда делают с серебром, против нечисти и колдунов.

— Вы отправили мне гонца? — Сухой и жесткий голос каркнул в повисшей тишине.

— Я, ваше святейшество. Адольфус Кринкермайер из Шварценхаффена, отец…

— Оставьте! — снова рубанул воздух голос инквизитора. — Обращайтесь просто — брат Фоммель. Ваши люди?

— Да, мои спутники и охрана. Возвращаюсь с паломничества, совершенного по обету. По дороге мне довелось видеть многое, и понять, что и как здесь, в вертепе зла… — Освальд в очередной раз поразился изменению, произошедшему с Грифом. С воинствующим священником сейчас говорил не особо далекий барон с западного берега, принадлежавшего одной из Магистратур. — Подлецы не успели убрать свои демонические знаки, по которым, уверен, они узнавали друг друга. Осмелился окружить постоялый двор, оставив с собой только трех людей.

— Правильно поступили, Адольфус! — глаза инквизитора блеснули одобрением. — Не сомневаюсь, что мы скоро что-то найдем.

Освальд покачал головой и встал. Нацепил назад перевязи, надел шляпу. Не обращая внимания на нахмурившегося священника, тронул Грифа за плечо.

— Мейстер Адольфус…

— Да, друг мой?

— Мне следует поторопиться, супруга ждет не дождется облатки из святого монастыря. Поеду я потихоньку.

— Ваш друг, Адольфус? — каркнул инквизитор. — Куда-то торопится?

— Супруга болеет, да, не иначе, как кто-то наслал наговор. Отпустим его, брат. Богоугодное дело его отсутствие нам не

помешает совершить.

— Хорошо, — инквизитор потерял интерес к Освальду. — Так, хозяина ко мне, и разведите огонь в камине. Что у нас там, кочерга? Ее в угли.

Трактирщик, кряжистый мужик с непривычно бритым лицом сам возник в низкой двери, ведущей на кухню. Вытер руки о жирный фартук, покосился на тело мальчишки в углу и, пошаркивая плоскими босыми ступнями, двинулся к инквизитору. Трое солдат инквизитора качнулись вперед, перекрывая ему путь.

— И зачем же, милостивый отец, потребна вам моя кочерга? — пробасил хозяин. — А?

Инквизитор нахмурился, глядя на него. Откинул плащ на груди, блеснула полоса, прочерченная мечом. Хозяин шарахнулся к окну, вскинул руку, прикрываясь. Пахнуло резким звериным запахом, трактирщик зашипел через зубы, развернулся, прыгнув с места. Мелькнуло лицо, удлинившееся вниз, с безумными глазами. Щелкнула тетива одного из арбалетов, короткая стрела вошла точно под левую лопатку, разорвав темную от пота рубаху, бросая тяжелое тело вперед.

Темная, не по-человечески черная кровь неохотно начала растекаться по недавно выскобленным доскам пола. Арбалетчик шагнул вперед, опустив оружие. Предупреждение инквизитора опоздало. Длинная рука трактирщика, лежавшего мешком, дернулась, зацепив ногу за щиколотку, хрустнуло. Арбалетчик тонко взвизгнул, падая навзничь, оружие отлетело в сторону. Хозяин начал медленно подниматься. Не успел.

Плотный солдат с седоватыми усами, вооруженный копьем, уже стоял рядом и, отточенным движением, без замаха, пырнул жалом в спину. Натужно крякнул, надавливая сильнее, стараясь вогнать оружие глубже. Трактирщик задергался, заревел, когда сталь с глухим звуком прошла через мышцы и ребра, втыкаясь в доски. Инквизитор ногой отодвинул в сторону стонущего раненого. Второй арбалет дважды щелкнул, пригвоздив руки дергающегося создания.

— Ничему вас жизнь не учит, — каркнул брат Фоммель, быстро рубанув блеснувшим серебром клинком. — Все самому делать приходится.

— Хороший удар! — Гриф качнул головой. — Великолепный удар, не побоюсь этого слова, брат Фоммель.

— Только так, брат Адольфус и можно поступать со слугами демонов, и никак иначе.

Инквизитор брезгливо вытер сталь об рубаху бывшего трактирщика. Махнул рукой, осенив себя знаком Петра, быстро

прошептал слова молитвы. Освальд прислушался к воплям со двора, чавкающим ударам, как будто кто-то рубил мясо. У Грифа, скорее всего, вокруг постоялого двора расположилось не меньше десятка людей. Те трое, что сидели во время разговора в зале, времени тоже не теряли. Давешняя девка пискнула за занавеской у кухни, чуть позже начала просить что-то плачущим голосом. Хотя почему что-то? Освальд прекрасно понимал — что она сейчас говорит и о чем просит.

Он сплюнул и пошел в сторону двери.

Гриф догнал охотника у выхода. Сжал локоть:

— Помоги мне, прошу тебя.

— Постараюсь, — охотник осмотрел двор. — Кур уже ловят, свиней, интересно, колоть будут, или как?

— Сожгут. — Гриф сплюнул. — Останки чаще всего кидают к ним.

— Точно, как я мог забыть… — Освальд натянул перчатки. — Гриф?

— Что?

— Мне нужно что-то от него.

— А, верно, — шпион покопался в сумке-кошеле у пояса. Протянул кожаный чехол. — Волосы, точно его, передал мой человек. И грамота, для тебя.

— Это хорошо. Есть просьба.

— Какая? — Гриф покосился на одного из солдат инквизитора, деловито тащившего к плетню кухарку.

— Оставь в живых служанку, она хоть и тупая, но вряд ли что-то делала. Узор по рубашке, с таким ходят женщины из Белозерья, там нет ни одного подобного культа.

— А если она ей просто понравилась и та сняла ее с трупа?

— Рубашка старая, кто такую снимать будет? — тень от шляпы спрятала глаза охотника. — Хозяин не из людей, да и баба его, скорее всего, тоже. Остальные… местные, и наверняка все знали и помогали, но не она. Посчитай это моей блажью. Я привезу тебе Тило и передам в обмен на эту глупую бабу.

— Ох, и дурак же ты порой, охотник.

— Бывает, — согласился Освальд, отвязывая от коновязи Серого. — Я поехал. Ничего не забыл сказать?

— Нет. — Гриф развернулся и пошел назад.

Запретный лес-2: мёртвое взморье

До границы Квиста путь оказался не короток. Освальд решил не переправляться через залив Кердрек, прошел по узкой полосе, заселенной имперскими рыбаками. Побережье, практически не поросшее никакой растительностью, лежало под Северными горами, стеной поднимавшимися на западе. Светлый песок, темные полосы гниющих водорослей, приземистые низкие дома из валунов, с крышами из сланца. Длинные и широкие лодки, где вытянутые на берег, где готовые уйти в море и покачивающиеся у пирса. Пепелище на месте одного из поселков Освальд проехал еще утром.

И не удивился, помня о словах Грифа. К магам, малефикам, ведьмам из урочищ с оврагами и даже колдуньям, в последнее время, относились без всяких смешков с ухмылками. Как оно бытовало еще лет пять назад, вместе с шарлатанами и фиглярами, катавшимися туда-сюда на повозках с разномастно-пестрыми тентами. Эти-то, кроме снятия и наведения порчи, гадания, приворота с наговором на падёж скотины, совершенно спокойно и магически вырезали вросшие ногти, нежелательных зародышей и куски дёсен с гнилыми зубами. Половина их пациентов умирала через пару-тройку дней от заражения крови с горячкой, половина оставалась калеками на всю оставшуюся жизнь.

В последнее время все поменялось. Тёмная Абисса, не расстающаяся со своими морскими ведьмами с самого основания, потешалась над всеми соседями, вдруг в полной мере вкусившими всех благ вернувшегося колдовства. И ему, охотнику за головами, неожиданно свалилась на голову очень странная, постоянная и опасная работа. И Освальд, сам того не ожидая, подрядился на нее.

Ему выпал шанс сменить относительно вольную жизнь на постоянный найм. Хозяин у Освальда появится такой, что не знаешь — радоваться или нет. Главный шпион Безанта в Срединных землях, один из трех людей, имеющих право давать распоряжения вездесущей Огненной палате, пусть и постоянно остающийся в тени. А работенка-то оказалась, ай-ай, не каждый возьмется. А он, подумав, взялся. Так было правильно, пусть и глупо. Для многих — просто глупо.

Что-то странное происходило в мире, что-то не очень хорошее. Сто лет назад, если Освальд правильно помнил услышанное, прочитанное и даже увиденное, пусть и в виде развалин, церковь Мученика и Безант практически стерли с лица

земли большую часть имеющейся магии. И не только ее.

Любое учение, признанное ересью, любой местный божок, любая бабка, кроме лечения коров занимающаяся чем-то еще — вырубались, сжигались и забивались насмерть. Освальду уже доводилось слышать про кровавых псов, давивших инакомыслие и уничтоживших великие культуры, спаливших дотла чудесные образцы архитектуры прошлого. В основном так-то вот рассуждали зажравшиеся и богатые жители крупных городов, замков с целыми стенами и владельцы родословной длиною поколений в десять, самое малое.

Там же, где охотник за головами проводил времени куда больше, на разбитых временем и очередной войной старинных мощеных дорогах, торговых путях, проложенных тысячами колес и копыт, едва заметных тропах и тропинках, за невысокими частоколами глухих деревень, в полуразрушенных небогатых поместьях и городках, где пьяная драка становилась побоищем, думали иначе. И говорили тоже.

Здесь хорошо знали цену ночной тишины, спокойствия и страха, продирающего до костей, лишь на землю спускается темнота. Тут не вспоминали о красоте статуй в Твинн-Эйле-Блоод, земле квельдов, пропавших в одну неделю. Нет-нет, жители лощины, освобожденной от вековых зарослей черных вязов, лежащей у подножья Синих гор, до сих передавали тихим шепотом другое.

Про костры, поднимавшиеся огнями до середины деревьев, костры, наполняющие округу запахом паленой кожи и волос, сладковатым ароматом печеного человеческого мяса. Про сетку-покрывало, скрывающую, до поры до времени, темную бронзу фигуры Эйле, матери и супруги богов-близнецов. Покрывало менялось каждое солнцестояние, а надлежало его делать из волос девушек, чистых и нетронутых. Причем волосы должно было снимать вместе с кожей… и на живую.

А сам он, после тварей Волчьих оврагов, Мясника и встреченного подменыша троллей, как-то незаметно занял сторону тех самых кровавых псов. Все просто и незамысловато, на самом-то деле. Люди, пусть и не все, были охотнику за головам ближе и дороже. Вот потому Серый, старый-добрый и уже уставший его жеребец, неторопливо шел вдоль постоянно видимой серо-зеленоватой полоски моря.

В этих краях Освальд еще ни разу не работал. Хотя многое и казалось знакомым. Свежий, чуть горьковатый воздух с моря, неприятный запах от груд рыбьей требухи, гниющей у сараев для разделки и засолки. Крепкие, кряжистые люди, безусые мужчины с широкими бородами, полощущими по ветру. И женщины,

широкобедрые, с сильными руками, в штанах из рыбьей кожи под теплыми шерстяными юбками. Высокие сапоги и широкополые, низко надвинутые шляпы у каждого и каждой, нож на поясе, шрамы от крючков, лопнувших сетей и ударов морских обитателей на лицах, выдубленных ветром, солью и морским солнцем.

Вдали, посередине залива, постоянно скользили взад-вперед два больших шлюпа, идущих на парусах. Весла в уключинах тоже виднелись. Ветер трепал белое полотно с красным солнцем Безанта. Гриф нисколько не обманул по поводу осторожности наместника, сейчас старающегося исправить допущенные оплошности. А народ, живущий по берегу, боялся, это бросалось в глаза на всем трехдневном пути.

Вчера Освальд остановился в большой деревушке, у которой заканчивался большой ухоженный тракт, и начиналась полоса проселка, идущего по дюнам и петляющего вдоль всего побережья.

Удивляться рыбе на первое и второе не приходилось. Тем более и готовить ее здесь умели. Пока охотник ложкой хлебал густую похлебку, в которой плавали разваренные куски какого-то местного морского чуда, к нему успел подсесть староста. Не спрашивая, налил себе и гостю крепкой, на перце и травах, водки. Освальд не отказался, махнул ее залпом, прислушиваясь к ощущениям.

— Здравствуй, мил человек. — Голос у рыбака оказался под стать крепкой массивной фигуре, густой и чуть хрипловатый. — Далеко ли путь держишь через наши края?

— И тебе здоровья, уж не знаю, как тебя зовут. А почему думаешь, что не к вам?

— Да чего такому душегубу у нас делать-то? — неподдельно удивился староста. — Кого ты тут искать можешь, позволь спросить.

Освальд улыбнулся, не удивляясь рассуждениям старосты. Если уж разбираться, то делать в этих краях ему и впрямь нечего. Рыбак из него, как из вот этого морского окуня красная рыба к столу местного дюка.

— Дальше еду, к горам.

— Дивные дела… — староста набил короткую трубочку, затянулся от тут же поднесенной хозяином лучины. — В ту сторону только что проклятый лес.

— Вот туда я и еду, — Освальд отставил свою миску. — А тебе для чего про меня что знать, уважаемый? Никого вроде не трогаю, за ужин рассчитаюсь, не переживай.

Староста пододвинул к нему плоскую тарелку с жареной в

ягодах камбалой.

— Не трогаешь-то, оно, конечно, так. Да кто ж тебя знает, что дальше делать начнешь. Ты, мил-человек, не обижайся. Но к двери комнаты твоей поставим ребятишек. Ежели чего ночью чудить вздумаешь, так не обессудь, у нас такого не любят.

— А что входит в чудить? — поинтересовался Освальд, отрывая плавник с хорошим куском мяса. — А?

— Книгами всякими ненужными шелестеть, свечи палить почем зря, рисовать углем на полу и стенах всякие богопротивные вещи и прочее, ну…

— Точно, и как я не додумался сам? — Вкусной камбалы Освальду не расхотелось, но разговор со старостой стал важнее. — А вы, уважаемый, как понимаю, здесь представляете и светскую, и духовную власти?

— Чего? А, вон ты про что, мил-человек. — Староста залез пятерней в бороду. По стенке неожиданно выросло сразу несколько «ребятишек» с короткими зубатыми острогами в руках. — Ну, разве что и так.

— А не боишься, староста?

— Чевой-то мне бояться, ты уж подскажешь, может?

— Да что донесет кто-нибудь на тебя за такое самоуправство? Господа инквизиторы страх как не любят, когда кто-то сует нос в их дела, да еще и без ведома.

— Хм… твоя правда. Вот только, кто ж им донесет-то, а? Уж не ты ли?

«Ребятишки», стоявшие по стенам, разом качнулись к ним и тут же встали. Освальд паскудно улыбнулся и встал, держа в согнутой руке короткий арбалет. Граненый наконечник первого болта смотрел в сторону ближайшего любителя остроги. Барабан под стрелковой частью не пустовал, оскалившись наконечниками еще пяти стрел.

— Отойдите к стойке, рыбачки… — Освальд кивнул головой в указанную сторону. — Вот так. Он у меня небольшой, но дырок в вас понаделает. Садись, староста, поговорим.

Староста еще раз поковырялся в собственной бороде и снова присел.

— На, читай! — Охотник бросил ему грамоту, полученную от Грифа вместе с волосами Тило. Читать староста умел, и чуть успокоился. Документ свидетельствовал о принадлежности Освальда к квесторам, исполнителям судебного волеизъявления в императорских номедах. — Расскажи, что у вас тут произошло. Тот человек, что якобы выгнал в море странную скотину, какой он?

— Его ищешь, мастер квестор? — маленькие глаза впились в

лицо охотника. — Чего сразу не сказал?

— А для чего? — Освальд пожал плечами. — Рассказывай. Мне все знать нужно.

— Ты это, мил-человек, не серчай. Как тебя звать-то?

— Освальд меня зовут, староста…

— Скырк я, значит. Так это, ты не…

— А я и не серчаю, все понятно вроде как.

— Убьешь поганца этого, а? А мы тебе даже, слышь, скинемся.

— Его б найти сначала, а мне даже непонятно как он выглядит. Так сильно досадил что ли, чтобы убивать? — Освальд покосился на мигом появившийся рядом кувшин, из широкого горлышка явственно тянуло темным пивом. — Он останавливался здесь?

— Да… — Скырк снова почесался в бородище. — Досадил… Отсюдова оно все и пошло дальше. За то нас некоторые соседи теперь и не любят. А мы, что, знали чтоль, каков он человек? Пришел в бурю, мокрый, голодный, холодный. Зуб на зуб не попадался, одет в отрепье какое-то, разве что баба с ним хороша показалась, да…

— Какая баба? — Освальд отхлебнул из кружки предложенного пива.

Прислушивающиеся к разговору «ребятишки», все-таки пододвинувшиеся поближе, одобрительно зацокали языками. Видно, что спутница некроманта рыбаков впечатлила. Интересно.

— Она тоже холодная, голодная и мокрая была?

— Ну, а как еще то? — Скырк повел широченными плечами. — Насквозь вся вымокла.

— Да и ладно… — Охотник доел, наконец-то, камбалу. Облизал пальцы и вытер светлым и чистым полотном с вышивкой. Рыба оказалась безумно вкусной. — Так как он выглядел?

— Да, как сказать-то… так, не шибко крупный, хотя и высокий, да… — староста поскреб толстым желтым ногтем нос. — Волосищи длинные, жидкие, белые. Одет в какой-то костюм навроде нашего, что из кожи шьют, только старый и дырявый. Плащ, черный такой, явно дорогой был поначалу, с шитьем, да, золотым.

— Особые приметы какие-то?

— Да баба это его, какая тут еще примета? Одета как портовая шлюха, а один наш сунулся, так она ножик выхватила откуда-то, и располосовала его. Другого, что на помощь кинулся, ногтями по шее прошлась, как кошка. Тот и помер.

— Которого ножом она пырнула? — Освальд прикинул, что

встречать в телохранителях девицу ему еще не доводилось.

— То-то и оно, мил человек… — староста помялся, — Что которого ногтями полосанула, значит, тот и помер, Рагул, точно.

Освальд покачал головой. Интересные дела…

— Лекарь наш его посмотрел, когда Рагул уже и не узнавал никого. Разнесло ему шею, как бревно стала, воняла, почернела. Заражение, как бывает, если за крючок невычищенный зацепишься, а на нем кусок угря остался, пузырь там, али еще чего похуже.

— Что произошло дальше?

— Ну так, значитца, то самое, это… колдунствовал аспид морской, да.

— Сразу колдунствовал? И как же вы ничего не сделали то?

— Дык это ж, мастер квестор, не сразу и сообразили, с неделю он тут жил, не иначе.

— И?

— Ну… а как потом та страхолюдина потопила карбасы, тык мы к нему. Первым делом, значитца и сунулись.

— И?!

— А его и след простыл. Ушли по следам пятеро наших, так как из нас, рыбарей-то, значитца, следопыты? Как в Оувесте, ну, той, что жечь пришлось, все началось сызнова, так тогда солдаты с Раруга и прибыли.

— Что началось то? — охотник ощутимо начал злиться. — Мне так никто там, дома, и не рассказал.

— Дак, мастер квестор, как с ума посходили соседи-то. Хорошо, что солдаты как раз пришли, утихомирили их. Ополоумели все, от мала до велика, кидались на всех, кто в деревню заходил. Да и чуть ли не гнили заживо-то, да. Мы ж с ребятишками туда пошли, с солдатами, значитца, на, вспомогнуть.

— Вспомогнуть? — Освальд усмехнулся. — Сколько лодок домой-то пригнали?

— Осподь Мученик с вами, мастер квестор, чтоб мне одних головастиков таскать и сельди не видеть, если вру. Ни одного ялика не взяли, отвел старина Даг…

Скырк поперхнулся, со страхом взглянув на сидевшего напротив человека с неприятной ухмылкой. Охотник только покачал головой. Как не старалась церковь и ее братья, искоренить в памяти старину Дагона здесь, мать Моуриг на западе или Триединую в Вольных городах, но получалось тяжело.

— И?

— Все спалили, мастер… — Скырк крупно вспотел, понимая, что квестору совершенно наплевать на его промашку. — Все-все,

до головешек. Детишек только жалко стало, а куда ж деваться, когда они одного из солдат чуть до смерти не довели?

— Понятно. — Освальд отставил кружку. — Я спать пойду, выезжать поутру. Ребятишек спать отпусти уже, не буду ничего плохого делать, устал.

Разговаривать со старостой было больше не о чем. Спать хотелось еще сильнее, и Освальд решил заняться отладкой своего ловчего «компаса» утром.

Сейчас он поднялся по плохой каменистой тропке, петлявшей между лесистыми взгорками, ведущей к указанной Грифом деревне. Побережье осталось внизу, уже еле видимое из-за тумана, густо севшего прямо с утра. Серый осторожно шел по скатывающимся к обочине голышам. Подковы хрустели, перемалывая мелкие камешки, Освальд для себя отметил — следует не забывать перековать коня после такого путешествия. Прямо в деревне.

Стрелка-игла колебалась в синей жидкости, алея самым кончиком, неумолимо показывающим на северо-запад. Волосы неведомого Тило, сопровождаемого какой-то женщиной с внешностью, возможно, то ли проститутки, то ли городской модницы, вели его вперед. Освальд хмыкнул, понимая мысли мужчин из деревни. В последнее время спутать шлюху с горожанкой, подражающей увлечениям аристократии в одежде, труда не составляло.

Зеленая застава появилась перед ним высоким тыном, торчащим вверх острыми краями бревен и нескольких дозорных вышек. Освальда заметили раньше, и недвусмысленно дали понять об этом. Хорошо заметная в белесой окружающей мути стрела, с горящей паклей у наконечника, воткнулась чуть впереди. Осторожные, ничего не скажешь. Охотник отпустил поводья и поднял руки вверх. Серый спокойно двинулся к деревне.

— Кто такой? — спокойно поинтересовался с надворотной площадки, украшенной рогами торчащих во все стороны обтесанных бревен, часовой. — Что надо, человече?

— А заехать нельзя? Помыться, поесть, попить, отдохнуть? — Освальду понемногу начало надоедать все непонятное и осторожное, творящееся на побережье.

— Можно, конечно, — часовой усмехнулся. — Только, путник, ты нам покажи свои руки с плечами.

— Я тебе кое-что другое покажу. — Освальд достал уже использованную грамоту и бросил ее вверх. — На вот, прочитай и запускай меня уже.

Часовой поймал тугой кожаный свиток, развернул, нахмурив

густые рыжие брови. Борода топорщилась в стороны, закрывая половину кольчужного хауберка, закрывающего шею и плавно спускающегося от низкой железной шапки. Странновато, обычно на границах номедов Безанта военные стояли регулярные, экипированные немного по-другому. У этого же крепкого парня, больше всего напоминающего наемника, не было ни обычного салада, ни нагрудника. Кафтан из вываренной кожи, поверх него мягкий панцирь с нашитыми пластинками.

Хотя в хорошем воине главное не экипировка. Рядовой воин имперской когорты сейчас бы позвал начальника караула, а этот плевать хотел на все условности, самостоятельно изучая и грамоту, и путника. Поправил перевязь с мечом, махнул кому-то рукой. На стене рядом с ним простучало, скрипнуло кожей и звякнуло. Через несколько мгновений на Освальда уставилось сразу три арбалета с болтами на натянутых луках.

— Еще раз, мать твою, повторяю!!! — стражник перегнулся через тын, сплюнув и чудом не попав прямо в гриву Серого. — Кафтан с плеч долой и показывай руки, или я из тебя сейчас ежика сделаю!

Запретный лес-3: Зелёная застава

Освальд спрыгнул с коня. Медленно расстегнул крючки длинных клапанов у куртки, снял. Порадовался, что не надел камзол, как собирался. С утра показалось очень свежо и он надел морской свитер, когда-то приобретенный в Доккенгарме. Стащил его через голову, стараясь не ежиться на ветру, повернулся к часовым одним боком, следом вторым.

— Красивые шрамы, — рыжий сплюнул снова, на этот раз подальше от него и коня. — Вон там на боку, часом не от бороны?

По левой стороне груди ему как-то прошлись странным подобием кистеня со звеньями. Длинные цепочки заканчивались крючками, крепко порвавшими тогда ему кожу и мышцы чуть ли не до ребер.

— Она самая… — буркнул Освальд. — Все увидел, что хотел?

— Точно так. Открывай! — часовой стукнул по доскам настила коротким копьем с зацепом почти у начала ратовища. — Не обижайтесь, господин хороший, это Зеленая застава, здесь по-другому никак. Квист рядом.

Охотник не ответил, одеваясь. Ворота заскрипели, приоткрывшись ровно настолько, чтобы прошел человек с конем.

Того самого рыжего внутри не оказалось. У небольшой коновязи, где сейчас хрустели овсом в торбах дежурные кони, стоял вихрастый долговязый подросток, сонно зевающий и одновременно умудрявшийся жевать свежий, пышущий запахом рыбный пирог.

— За мной следуйте, гофподин квефтор, — прочавкал паренек. — Старшина велел ваф к командиру отвефти.

— Ну, веди. — Освальд осмотрелся.

Зеленая застава закрывала центр не такой уж и широкой полосы земли номеда, граничащей с Квистом. От моря поднималась к восточной оконечности запретного леса Морская застава, а от гор спускалась Северная. Ни на одной из них Освальду побывать пока не доводилось. Застава оказалась немаленькой, расширяясь от ворот, а в ее дальнем конце охотник насчитал шесть башен. Дома, срубленные из толстых бревен, теснились друг к дружке, практически без огородов или небольшого сада, как привычно южнее.

Утро еще только начиналось, но людей вокруг хватало. На Освальда несколько раз обернулись женщины, выгонявшие из дворов скотину, ведомую тремя крепкими пастухами на поздние осенние пастбища. Но сильно никто не пялился, в отличие от той же самой рыбацкой деревни, оставленной позади. Кто-то колол

дрова, кто-то с самого утра гремел железом за забором. Дом кузнеца, с уже открытыми воротцами, Освальд заприметил и постарался запомнить. Забывать о коне не стоило.

— Далеко еще?

— Да не, уже пришли, — провожатый справился с пирогом и облизал пальцы. — Вот он, высокий дом. Видите?

— Не проглядишь. — Освальд усмехнулся.

Не заметить жилье командира заставы оказалось бы сложным делом. Больше всего крепкий сруб в два этажа, огороженный высоченным частоколом, напоминал небольшой форт. Над крышей, двускатной, ветер лениво трепыхал белый стяг с алым солнцем. У ворот стоял караульный, с мечом у пояса, рогатиной и щитом.

— Этого господина сержант велел к командиру доставить, из самого Раруга квестор припожаловал, по важному делу! — выпалил провожатый, не дав воину даже открыть рта. — Пропускай!

— Вот грамота. — Освальд достал из чехла на поясе сильно мятый свиток, протягивая часовому. Тот зыркнул на четкие руны, нахмурил бровь и мотнул головой, пропуская вовнутрь. Этот, судя по всему, читать не умел.

— Я побежал! — Парнишка развернулся было, когда Освальд поймал его за рукав.

— Зайди к кузнецу, скажи, приду сразу к нему, коня перековать. И, на-ка вот, держи!

Монетка блеснула в воздухе, тут же пойманная довольно показавшим в улыбке дырку вместо верхнего зуба мальчишкой.

— Его все тут балуют, мастер, и вы туда же, — недовольно буркнул часовой. — Идите уже к командиру, по лестнице наверх и сразу направо. Он встал давненько, как раз на завтрак вы поспели.

— Это хорошо. — Кивнул Освальд, заходя внутрь прямоугольника из заостренных толстых бревен.

Привязывая Серого к коновязи он посматривал по сторонам. Прошел один из пограничников, судя по коротким порткам и растянутой рубахе, живущий здесь же. На плече он нес пучок дротиков, с толстыми шнурами, намотанными у самых наконечников. Освальд присмотрелся, понимая, что туго скрученные хлопковые нити, явно привезенные с юга, пропитаны чем-то горючим, маслом или воском. Ну да, что лучше всего подойдет в борьбе против леса, живущего странной жизнью, как не огонь? От коновязи наверх сразу же поднималось крыльцо. С той стороны глухо стукнула дверь, а шаги мягких сапог Освальд услышал только потому, что ждал их.

— Вы ко мне? — голос у командира заставы оказался на удивление молодым, как и он сам, впрочем. — Поднимайтесь.

Освальд не стал брать с собой поклажу, двинувшись за худощавым парнем с серьезными не по возрасту глазами. Из знаков отличия у того ничего не оказалось. Разве что выглядящий скромным большой кинжал на поясе таким только казался. Клеймо подземных оружейников Рура как всегда не бросалось в глаза, если не знать, куда смотреть.

Командир пригнулся под низкой притолокой, проходя внутрь просторной комнаты с открытым окном. Очаг в углу, огороженный кованой решеткой потрескивал наполовину сгоревшими поленьями явно для уюта. Через откинутые толстые ставни с бойницей тянуло свежестью. На столе, покрытом простой беленой холстиной стоял мед, молоко, сыр и масло в плошке. Сладкий запах, идущий из-под влажной тряпицы, выдавал свежий хлеб, щекотал ноздри.

— Меня зовут Комрад. — командир показал рукой на лавку, стоявшую рядом со столом. — Это у вас из кармана не грамота торчит?

— Да, — охотник протянул ему бедный свиток. — Я Освальд.

— Ешьте… — Комрад, приглашая, показал на стол. — Хотя, если хотите, могу для вас попросить пожарить яйца или принести кашу.

— Спасибо, молока будет достаточно.

Охотник сел, осматриваясь. Первое впечатление не обмануло. Командир заставы, как и его солдаты, оказался наемником, служащим империи за полновесные золотые. Не воин из кадровых когорт Безанта или местный уроженец, служащий в набираемых на присоединенных территориях легионах. Именно наемник, да еще, несмотря на свои, совсем небольшие года, прошедший длинный и весьма, следует сказать, удачный путь.

Оружие, висевшее по стенам, показывало этот путь во всей красе. Полный комплект безумно дорогих лат, собранных из стальных пластин в далеком Абраксасе. Медные окантовки наплечников, наручей и латной юбки говорили за это сами по себе, оружейники города славились умением соединять воедино несколько металлов. Закрытый шлем со сложным забралом, не иначе как сделанный по заказу где-то в Вольных городах. Клинки, длинный бастард, так любимый в Бретоньере, изогнутый ягр откуда-то из Хайдара или Драгоша, короткий «пробойник», скромный, без украшений, дополнительное оружие пехоты юга. А щит из тонкого, но прочного металла, окаймленный цветными шнурами, мог быть взят только на границе Халифата. Да уж, действительно хороший путь для двадцати трех — двадцати пяти

лет. И сам парень не просто жив, но еще и цел.

— Я капитан Зеленой заставы. — Комрад положил грамоту рядом, но Освальду не подвинул. — Здесь ничего не сказано о деле, что привело к Квисту исполнителя судебных решений. Не поделитесь?

— Поделюсь. — Освальд поставил на стол глиняную кружку, не допив молоко. — Меня отправили сюда для поимки малефика по имени Тило Ноерми, не так давно устроившего бойню в деревнях по побережью.

— К нам, сюда, для поимки малефика? — уточнил капитан Комрад. — К границе Квиста?

— Именно так. Вас что-то настораживает?

— Несомненно. — Комрад встал, прошелся до окна. — Посмотрите вон туда.

Куда именно смотреть стало ясно сразу. Узкое окно, закрываемое толстенными ставнями с прорезью-бойницей, выходило на стену, упиравшуюся в границу Запретного леса. Малахитово-зеленая, несмотря на осень, полоса бросалась в глаза сразу. Темное живое море, даже на расстоянии казалось живым. Пятна желтого, бурого и красного, четко выделяющиеся на зеленом, постоянно двигались под ветром. А между Квистом, тянущемся в обе стороны, насколько хватало взгляда, и стеной заставы лежала выжженная земля с редкими чахлыми деревцами.

— Я знаю, о ком идет речь, — капитан дернул гладким подбородком. — Он сам, как и его спутник, прошли недалеко отсюда в бурю. У меня погибло двое патрульных, хороших ребят. Как они это сделали, никто так и не понял. Уже тогда дело казалось нечистым, да… Разъезды конных из Раруга не смогли их догнать, нас же никто даже не предупредил. К сожалению.

— С ним идет не спутник… У Тило спутница. — Освальд покосился на него.

— Это сейчас роли не играет. Хотя, конечно, обычная женщина и Квист не всегда любят друг друга. Особенно если спутник и она сама никогда не бывали в нем раньше.

— Откуда вы это знаете, капитан?

— Оттуда же, откуда вы знаете о том, что они ушли именно туда. Вы идете по следу, а я эти следы, пусть и запоздало, читаю. В грамоте указано на то, чтобы я помог вам во всем и всеми силами. Как понимаю, Освальд, вы собираетесь идти в лес?

— Правильно понимаете, Комрад.

— Каково усердие и верность у служителей имперского правосудия… — капитан отошел к столу. — Насмотрелись? Присядьте, нам с вами нужно обсудить детали этого, м-м-м, похода. Вы имеете опыт поисков человека в лесу?

— Я имею опыт в поиске и поимке людей. — Освальд сел напротив и взялся за кружку. — А вот с лесами как-то не особо дружу, хотя доводилось бывать, и в разных. Но сейчас мне нужен проводник.

— Чихъ.

— Что?

— Кто… Чихъ. — повторил капитан. — Вашего проводника, квестор, зовут Чихъ. В грамоте он упомянут немного под другим именем, но это неважно. Я найду его, хотя, как мне известно, последние несколько дней старик пьет.

— Старик?

— Это тоже неважно. Старик он здесь, а в Квисте просто Чихъ, и, Освальд, мне бы хотелось, чтобы старик вернулся на заставу живым. Что вы знаете про Запретный лес и что вас заставило идти в него за малефиком?

Освальд ответил ни сразу. Что-то, еле уловимое в голосе капитана, заставляло обдумывать каждое слово.

— Вас же что-то заставило командовать гарнизоном здесь? Каждый делает то, что умеет.

— Порой каждый делает то, что должен. — Комрад уставился на Освальда чуть раскосыми, глубокого изумрудного цвета, глазами. — Почему мне кажется, что вы, Освальд, знаете про Квист только общеизвестное?

— Наверное, капитан, по той причине, что вы здесь хозяин, а я всего лишь гость, приехавший пару часов назад?

— Возможно… — Комрад замолчал. Освальд неожиданно посмотрел на него по-другому, увидев не обычного наемника, а кого-то другого. На какой-то краткий миг из-за капитана, продающего жизни и умение своих солдат проглянул кто-то неуловимо похожий на Грифа, следующего одному ему известной цели. — Я немного расскажу вам, Освальд, про лес. Слушайте, слушайте внимательно, что-то да поможет вам, надеюсь. Вон там за окном лежит полоса выжженной земли, в полтора полета стрелы длиной. Еще месяц назад там было практически три длины. Квист, как бы странно не звучало, живой.

— Архивы бывшего княжества Туангест говорят о борьбе с лесом еще полтора века назад. Больших успехов с того времени люди так и не достигли, не считая отвоеванного куска, на котором сейчас стоят три наших заставы. Вон там мы жжем новые поросли все лето, начиная с первого сухого месяца и до поздней осени. Каждый год на побережье нападают те, кто его населяет. Мы защищаем живущих здесь людей… Защищаем, как можем, а можем-то мы немногое.

В лесу сейчас живут несколько больших племен, хотя не все

из них можно назвать человеческими, если не сказать большее. Именно они, лесовики, кажутся всем, незнакомым с лесом, главной угрозой. Народ Амра, народ Вётел, Кистеухие, Вороны и Болотные. Вон в том углу висят трофеи из Квиста, из тех экспедиций, где погибло в три раза больше моих людей, чем сейчас есть на заставе и тех, что сейчас в патрулях. Вас, квестор, заставляли снимать одежду?

Освальд кивнул, еще не понимая, почему за этим вопросом так явно просматривается ответ. Он подошел в тот самый угол, запалив одну из свечей, стоящих на полке очага.

Большая шкура зверя, никогда не встреченного им раньше, скорее всего похожего на огромного кота. Кошки таких размеров водились далеко на юге, изредка привозимые для зверинцев и устраиваемых подпольных боев. Пару-тройку охотник видел и сам, но такого зверя, действительно, ни разу. Серая колючая шкура, покрытая еле схватываемыми взглядом темными пятнами. Короткая голова с огромной пастью, украшенной двумя саблями клыков, плавно загибающихся к шее. Шкура, растянутая по стене и пришпиленная деревянными колышками между бревен, впечатляла.

Вокруг зверя расположились трофеи поменьше. Голова большой змеи… когда Освальд присмотрелся, то понял, что это не змея. Стеклянными застывшими глазами на него смотрело странно похожее на человеческое лицо что-то, покрытое чешуей и не имеющее волос. Повыше, раскрыв гладкий, матово отсвечивающий клюв, чернела перьями голова огромной птицы. Охотник поднял свечу, осветив этот угол, самый темный в комнате, лучше. Да… странностей, обитающих в Запретном лесу, хватило бы на несколько лесов поменьше.

Чего стоило кабанье рыло, украшенное сразу семью клыками, из которых каждый вымахал с рог хорошего быка. Или размеры плохо сохранившейся головы зверя, похожего на росомаху, но больше подходящей медведю.

Руки он заметил не сразу. Высушенные, с прекрасно сохранившейся кожей, они висели по краям, надежно приколоченные гвоздями за кисти. И каждую, начиная от плеча и заканчивая запястьем, покрывали замысловатые петли зеленой, черной и голубоватой росписи. Татуировки, сделанные искусными мастерами, даже после смерти их владельцев, не потеряли своей красоты.

— Когда член племени становится воином, и убивает своего первого чужака, то есть одного из нас, мастер уже ждет его дома. Со своими костяными инструментами, молоточками, иглами и красками. Рисунок продолжают всю жизнь той, или того, кто

убивает людей за границами Квиста. Именно по этой причине вас попросили раздеться. Жить без них — позор для лесного народа… У каждого клана свой узор, и зачастую не повторяющийся цвет, — капитан оказался рядом также бесшумно, как и при их знакомстве. — Краски эти умельцы добывают из трав и кореньев. Вот эта рука принадлежала Грому, военному вождю ветви народа Амра. Три весны назад клан вырезал подчистую три деревни у самого края гор. Мы нагнали их в самом лесу, на переправе через Льдистую. Помогло только большое расстояние между горами и Квистом. Лес не везде подходит так близко. А еще они несли с собой награбленное добро, оружие и запас мяса на зиму. Жителям тех деревушек не повезло.

— Погибнуть?

— Нет. — Комрад поправил одну из рук. — Народ Вётел не ест подобных себе, в отличие от сыновей Амры. Хуже только Болотные, эти ненавидят всех, да они и не люди, если разбираться. Вот таков Квист, квестор. На первый взгляд. Не боитесь?

— На дальнем Юге есть люди, живущие родами и постоянно роднящиеся друг с другом. Несколько лет назад там был голод, и ничего не помешало им есть друг друга.

— Интересная жизнь у квесторов… — капитан усмехнулся краешком рта. — Даже на дальний Юг приходится добираться. Ну, да ладно. Я помогу вам с Чихом только потому, что боюсь этого малефика в лесу. Он остался жив, как и его женщина, и это плохо. Квист принял его, а если то, что говорят про побережье и творение его рук правда… мало ли что он сделает здесь?

Освальд понимающе кивнул.

— Знаете, квестор, мне бы хотелось, чтобы у вас все получилось, и чтобы вы вернулись назад. Рисковать своими людьми, отправляя их с вами я не стану.

— Я и не просил вас об этом, капитан. — Освальд покосился в сторону оружия, оставленного у стола. — Мне достаточно только проводника.

— Если бы вы попросили моих людей, Освальд, или как вас там, я бы приказал посадить вас в яму. — Комрад погладил мех на большой шкуре. — Мне неизвестно, кто вас послал в Квист, но я уверен в одном…

— В чем?

— Это кто-то из серьезных и важных людей. Но даже и у них бывают промашки, квестор. Грамоту должен был подписать старший судья в самом Раруге и его помощник, ведающий правосудием в Туангесте. И если подпись старшего судьи настоящая, то вот Рольф подписывается чуть по-другому.

Расскажите своему хозяину, когда вернетесь, что среди его людей есть кто-то ненадежный. Но… Освальд, мне почему-то кажется, что вы сможете сделать свое дело, и тем самым поможете мне заниматься моим.

Капитан отошел к столу, заложив руки за спину и отвернувшись от охотника.

— Там, на стенах, стоит четыре больших и старых бомбарды, привезенные мною из Ниросты. И больше у меня нет ничего с огненным боем, и даже боевое пламя, что выжигает землю вместе с детьми Квиста, делаем здесь сами. Что поделаешь, в Безанте принято считать, что мы здесь сходим с ума и пытаемся обмануть чиновников, не говоря о самом кесаре, лишь бы получать императорское золото. Хорошо, что мне платят жалование для людей, и ко мне с охотой нанимаются рекруты, взамен павших.

Освальд усмехнулся, ответил, чуть погодя:

— Бомбарды в Нироste не делают на заказ около трех десятков лет, и столько же не продают никому, кроме армии кесаря-солнца. На каждую уходило по несколько месяцев работы и они того стоили. Сколько тебе настоящих зим, капитан? И зачем тебе оно, такая жизнь? Почему ты просто наемник, живущий у Квиста и воюющий с ним вместо какого-нибудь легата, уроженца самого Безанта, занимаешься этим?

Комрад скривился ответной ухмылкой, поворачиваясь к Освальду. Гладкие темные волосы, прижатые обручем, он отодвинул с одной стороны, показав то, что и думал увидеть охотник. Мочки у уха не оказалось, а кончик его заострялся.

— Мне около семидесяти пяти, Освальд. Я не чистый тиллвег, или, как принято говорить здесь, эльф. — Комрад поправил волосы обратно, спрятав свое отличие. — Мало кого интересует этот вопрос, полукровок хватает, хотя нас, на самом деле, не так и много. Хотя моих чистых родственников, возможно, еще меньше. Но с Квистом боролись еще те мои предки, чьих имен не знали самые старые хранители человеческой истории. И раз уж так вышло, то сейчас с ним борюсь я, выблядок и никому ненужный получеловек. Но уходить отсюда, бросать границу… мне даже не придет в голову, пока Безант не поймет, что Запретный лес всегда нужно держать в его границах. А ты, квестор, или кто ты там, передай это своему хозяину.

— У меня нет хозяина, капитан. — Освальд наконец-то допил свое молоко. — У меня есть только наниматель.

— Все равно.

— Как скажешь, — охотник поставил кружку. — Пока я не узнал ничего нового про Квист, капитан.

— Рассказывать бесполезно. — Комрад сел. — Понять хотя бы

что-то про него можно, лишь побывав в самом лесу или простояв на стене заставы и уходя в патрули около года. Без этого остальное останется лишь словами, что покажутся ложью, или бабкиными сказками.

— Не хочешь попробовать? — Освальд усмехнулся. — Даже в бабкиных сказках, случается, есть доля правды.

— Возьми с собой немного боевого пламени, квестор… оно тебе может пригодиться. Лес и его жители боятся огня, за исключением того, что держат в корзинках с углями и используют для сожжения или пыток пленных. Хотя и самого леса хватит, чтобы развязать язык кому угодно. Я не такой мастер по распутыванию следов и тропок, как Чихъ… так и есть, не стоит удивляться. Полукровка всегда полукровка, именно из-за этого на моей стене висит доспех и шлем, а пушечные жерла смотрят на Квист.

— Хотя что-то подсказывает мне, что даже если Квист их и принял, то вряд ли они прошли глубоко. Смотри сюда… — Комрад открыл кожаный футляр, висевший рядом с ним, достал большую карту. — Вот отсюда, с гор, в лес уходит река Льдистая, здесь Буйная. Обе речки походят через него насквозь, и сливаются в одно устье у моря. Между ними находится большой кусок топей, дальше него прохода чужакам Квиста нет. Вы с Чихом отправитесь именно сюда.

— Большие топи? — Освальд поморщился. Болот он не любил.

— Да. Выходить вы будете ночью, так что тебе надо отдохнуть. Проводника я найду сам.

— Мне бы с ним познакомиться, — охотник встал, опередив движение хозяина заставы. — Сложная экспедиция, всему надо уделять внимание.

— Сейчас это тяжело. — Комрад снял длинный плащ. — Старика еще следует привести в себя.

— Как он сможет идти в лес, если пьет несколько дней?

Капитан удивленно посмотрел на него:

— Ногами, как же еще?

Не зная про слободу, лежавшую под стенами заставы, заметить ее было бы тяжело. Серого Освальд отвел к кузнецу, оставив поклажу в доме капитана. В сторону западных ворот, ведущих к месту, где проводник Чихъ пил несколько дней подряд, они с Комрадом пошли пешком.

Застава, охранявшая границу с Запретным лесом, открывалась перед охотником все больше. Да, люди здесь жили с постоянным ожиданием нападения или боя. Заборы сильно

смахивали на крепостной тын толщиной и высотой бревен, ворота явно откатывались только с усилием. Замеченные дети, поголовно ходили с ножами у пояса, да и игры их показались Освальду занятными. Никакого тебе мяча или скачек верхом на палках. Сосредоточенные и молчаливые мальчонки с девчатами деловито швыряли биты, выбивая городки с одного броска, дрались на толстых жердях или метали собственные ножи на спор.

Проходившие мимо женщины посматривали с одобрением даже на борьбу, затеянную крепкой угловатой девчушкой с плотным и высоким не по возрасту белобрысым пареньком. Да и сама драчунья, сопя и кряхтя, поднималась с ободранных даже через плотную ткань широких штанов колен и молча шла на соперника.

— Весело у вас тут, как погляжу. — Освальд поймал взгляды нескольких серьезных детишек, внимательно рассматривающих необычные для них его собственные шпагу и даго. — Детвора вон вся при деле.

— Да… — Комрад поймал одного из них за руку, быстро осмотрел уже появившийся синяк на глазу и корку запекшейся крови. Мальчонка, семи-восьми лет даже не пикнул под сильными пальцами капитана. — Быстро к лекарю на мой двор, глаз не должен заплыть полностью. Да, Освальд, здесь у них не то детство, какое есть в городах. Даже дети рыбаков живут куда веселее.

— Почему их родители не уезжают?

— У каждого из местных жителей свои счеты с Квистом. — Комрад пожал плечами. — Да и это не самое плохое место из окрестных земель. Ты думаешь, что во время последней войны с Нессаром кто-то сунулся к нам сюда? Держи карман шире, таких дураков найти тяжело. Хотя Квист и золотая жила, но дураков не много. Слишком дорогим выходит его золото для чужаков.

— Золото?

Капитан непонимающе посмотрел на него.

— Я удивлен, нет, честно. Тебя отправили в Квист, не рассказав ни слова о том, почему здесь живут семьи, а не стоят одни только заставы с солдатами?

— И что же здесь есть?

— Хм… здравствуй, Рагнур. Да, открой нам, мне надо в слободу, — они уже дошли до ворот и те, не скрипя на огромных петлях, приоткрылись. — Большая часть трав, деревьев и кустарников, растущих в лесу, больше нигде не встречается. Равно как и грибы с ягодами, цветы, часть животных и птиц.

Ты знаешь про то, что желтая перстянка, добываемая на его

южных опушках, и больше нигде, лечит сердечные болезни? Или корень златовласа, за драхму которого любой аптекарь от Абиссы до Драгоша даст два его веса золотом? Потому что богачей, что залезают на самых дорогих и красивых шлюх, и бесполезно пыхтящих на них много, а златовлас можно искать только три недели в году. И растет его в Квисте очень мало. А одной этой драхмы перетертого и залитого зеленым вином корня хватит для твердого члена такого богатея на целый бордель. Да еще и останется немного для жены.

Вон там, в слободе, живет большая часть наших сборщиков. Это они, рискуя головой, ходят в Квист. А потом сюда приезжают люди из купеческой гильдии Безанта и скупают все заготовленное за лето, весну и осень.

— Платят, надо полагать, не особо хорошо? — поинтересовался Освальд. — Или все-таки?..

— Здесь на жизнь хватает, — сплюнул Комрад. — Особенно если…

Освальд не удивился замешкавшемуся капитану.

— Особенно если большую часть они отправляют контрабандой через горы прямико в Вольные города? Морем везти явно опаснее.

— Не без того, — капитан спорить не стал. — Но можешь передать своему нанимателю, что мне на это наплевать. Я уже говорил про собственные деньги, потраченные на бомбарды?

— Мне все равно. — Освальд снова не удивился. Странно было бы, если командир заставы, знающий про все и про всех, не получает свою долю. Странно то, что он делится с ним, в первый раз увиденным человеком. Да еще и не тем, за кого себя выдает. Либо, скорее всего, Комрад не то, что не прост, нет-нет.

Капитан полукровка знал очень многое, и явно умен. Вряд ли глупый полу-тиллвег смог бы так долго быть тем, кем являлся. И, что еще более вероятно, немного догадывался о ведомстве, сделавшем поддельную грамоту Освальду. Либо просто полагал о том, что тот вряд ли вернется из Квиста и сейчас давал себе волю, выпуская все наболевшее.

— На окраинах леса растут лучшие деревья для постройки кораблей, тех, что ходят далеко за моря, — капитан остановился. — Древесина плохо поддается обработке, но и не гниет. Легкая и прочная, за нее одинаково хорошо платят и торговый союз Абиссы, и мореходы из Норгейра. Понятно, что Безант все забирает намного дешевле.

Белый воск черных пчел Квиста, Освальд, погружает в сон самых сильных больных. Их можно потрошить, кромсать на части, а они продолжат оставаться в небытие. Все это стоит безумно

дорого, поэтому империя никогда не окажется от Квиста. И не спалит его полностью.

Вот только гарнизоны из регулярных частей ставить здесь бесполезно. Как и сыновья Запретного леса, представь себе, исконные обитатели этого клочка земли делятся на свои кланы и семьи. И никто из них не пойдет на сделку с воином Безанта и лучше уйдет отсюда, чем будет зарабатывать под их присмотром. С наемниками они договариваются, именно поэтому здесь последние сто лет меняются такие, как я.

— А как же, капитан, твои предки, так долго боровшиеся с Квистом?

— Мои предки делали тоже, что и я. — Комрад сплюнул. — Они не давали Квисту вырасти больше его пределов. Он страшен, но он же и необходим из-за всего, скрытого под сводом его деревьев, Освальд. Как лекарство, понимаешь?

— Отмерь одну драхму перетертого корня златовласа, и все хорошо. И даже Кхан Брасчеу, торговец специями из Пешта, за ночь заездит саму Серую Сашу. А это очень тяжело, потому как Кхан собственный член не видел уже лет… много, а Саша… это Саша. Отмерь ему три драхмы, и этого борова придется снимать с нее втроем. Мертвого… так?

— Хороший пример. — Комрад согласно кивнул. — Ты понял мою мысль.

Тем временем они уже дошли до тына слободы, если его можно было так назвать, глядя на соседа заставы. Хорошо, что хотя бы узкие ворота, в отличие от оставленных Освальдом за спиной, не стояли нараспашку.

— Нам с тобой вон туда. — Комрад показал на длинное низкое здание.

— Сложно не догадаться. — Освальд понимающе хмыкнул.

Несмотря на пусть уже и не раннее, но все-таки утро, у крыльца белели три спящих тела. Капитан обернулся в сторону часовых у ворот, когда мимо них уже пробежали несколько наемников.

— Другое дело, а то распускаются, бывает, — проворчал Комрад. — Растащите их по домам, и назад, на посты.

— Те самые сборщики?

— Да. Шальные и кровавые деньги, от них никуда не убежишь.

Спорить тут тоже не приходилось. Освальд вспомнил все свое имущество, помещающееся на спине Серого, общую сумму золота и серебра, полученного за выполненные заказы, и не стал спорить. Да, кровавые, но очень легкие… потом, по окончании самой работы.

— Так… — Комрад пригнулся, заходя внутрь трактира, очередного на пути Освальда. — Осталось найти необходимого человека, и все.

Заведение встретило вошедших потрескиванием свечных огарков, поленьев в камине и запахом сгоревшего жира. Хозяин, пожилой бывший наемник, тут же оказался рядом. Позеленевший от времени медный браслет с имперским солнцем, плотно обхвативший еще крепкое запястье, говорил о роде бывших занятий сам за себя.

— Капитан?

— Чихъ здесь?

— А куда ему деться-то? — хозяин хохотнул. — Вон там, лежит, спит.

Капитан прошел в дальний темный угол. Сел на лавку, наполовину занятую кучей тряпья. Куча, как рассмотрел Освальд, подойдя ближе, оказалась человеком. Комрад потыкал куда-то в нее рукой:

— Чихъ, просыпайся.

Уклониться от блеснувшего ножа тиллвег сумел только благодаря врожденной нечеловеческой реакции. Сточенный на треть, но очень острый клинок безошибочно разрезал воздух рядом с его горлом. Капитан только покачал головой:

— Допьешся когда-нибудь…

— Тьфу, пропасть… — прохрипело тряпье, садясь.

Освальд присмотрелся, уже разглядев в тени от лоскутного одеяла сивую бороду и крупный нос. Оттуда же на него взглянули красные воспаленные глазки:

— А это что за чудо гороховое?

— А это, Чихъ, твой наниматель. — Комрад благодарно принял от трактирщика кружку с парившим горячим мясным бульоном. — На, вот, выпей. Ты мне нужен бодро стоящим на ногах уже к ночи.

— Кхм… — из бороды на пол вылетел комок слюны. — Так к ночи же, капитан, дал бы еще поспать.

— Вставай. — Комрад встал. — Жду тебя к вечеру у себя.

— В лес пойдем? — Чихъ глубже закутался в одеяло. Его заметно била крупная дрожь. — А?

— Ну не в море же ты плыть собрался, по рыбу?

— И то верно…

Освальд еще раз посмотрел на худые ладони, с четко видимыми сосудами, держащими лоскуты, и молча пошел за Комрадом.

— И он сможет прийти в себя? — вопрос он задал только на улице. — Не верю.

— Да и не верь, — капитан на него не смотрел. — Он тебе нужен, без него не справишься.

— Хорошо. — Освальд зевнул. — Ты ж предлагал отдохнуть?

Запретный лес-4: Чихъ и немного мудростей

Охотник снова покосился на спину упорного деда, еще вчера вечером еле сидевшего на лавке, а сейчас топавшего без остановки с самой ночи. Шел Чихъ как заведенный, едва лишь только они вдвоем оказались под первыми деревьями Квиста. Плевал на темноту, такую, что хоть глаз выколи и отсутствие тропинок. Пёр чуть ли не напролом, да так уверенно и быстро, что Освальд за ним еле угнался поначалу.

Солнце уже начало проникать через плотный заслон ветвей, листьев и плотную паутину плюща, попадавшегося на каждом втором дереве. Чихъ катился вперед, ловко протекая под низкими толстыми нижними ветками, перекатывался через торчащие из земли корни и плевать хотел на странно густой ковер травы под ногами.

Бурая куртка с капюшоном, покрытая разноцветными пятнами, въевшимися в ткань навечно, так и мелькала перед глазами. Дед, полдня назад еле пришедший в себя после выпитого, легко загнал поначалу Освальда, привыкшего ко многому.

— Так… — неожиданно дед остановился. — Вот тут привал сделаем.

И сел на поваленный ствол, накинул на голову капюшон и замер. Освальд сбросил с плеч лямки мешка, поставил рядом арбалет и выпрямился. Чиха рядом уже не было. Заметить деда, совершенно слившегося с густым кустарником, получилось лишь несколько мгновений спустя.

— Перепужался, чтоль? — дед коротко хохотнул. — Давай уже, доставай свою штуковину и сверяйся, правильно мы идем или нет.

Освальд только покачал головой. «Искатель» он проверял несколько раз, но Чихъ в эти моменты ни разу не оглядывался. Как старик понял его назначение?

— Я смотрел недавно, вряд ли отклонились в сторону.

— Как знаешь, — пожал плечами дед. — Отдыхай, пока можно. Вам, городским, с непривычки тяжело в лесу.

Вот сейчас дед оказался совершенно прав. Пусть и приходилось Освальду не просто прогуливаться по лесу, но и жить в них, но… Квист себя показал сразу.

— Да уж… — охотник вытянул ноги, прислонив к дереву рогатину. Капитан, перед самым выходом осмотревший его

снаряжение, заставил Освальда пойти за ним в оружейную. Препираться с ним было явно глупо, Комрад разбирался в том, что говорил.

В заплечном мешке сейчас, порой лениво перетекая, болтался в металлическом сосуде с замком на крышке густой состав. Боевое пламя, что делал на свой страх и риск капитан полукровка. Из своего оружия, проверенного и надежного, с охотником оказался только арбалет и длинный нож. Но кольчугу, наплевав на слова Комрада, Освальд под куртку все же одел.

Взамен оставленных шпаги, даго и меча на поясе охотника сейчас висел короткий топорик, а рогатину он взял без сомнений. Простое и добротное оружие легко подходило и в качестве посоха, на случай, если придется лезть в болото. Да и против любого зверя, что и говорить, рогатина пойдет лучше копья или меча. Широкое и длинное жало, поперечина, кованые кольца и полосы на половину древка внушали уважение к мастеру заставы.

— Это, как тебя там, Освальд… — дед прожевал сморщенный сушеный плод, которых в небольшой сумке на поясе хватало с избытком. — Говоришь, колдуна ищем?

— Да, — Охотник поднял ноги по стволу, поморщился, когда кровь побежала быстрее. Ныл старый шрам под коленом. — Очень плохого и умного колдуна.

— Это плохо. — Чихъ достал еще одну сморщенную черную жвачку.

— Да уж нехорошо.

— Нет, красавчик, ты не понимаешь, — дед покосился на него. — Если бы Квист его не принял, то он болтался бы на самом виду у заставы. На следующее же утро. Может, я его не заметил, не, не болтался?

В голосе деда, совершенно неприкрытая, проскользнула издевка. Освальд пошарил в поясной сумке, достал кусок сушеного мяса и начал жевать.

— Я не особо красавчик… и никто не болтался, — он посмотрел на Чиха. — Что означает — принял?

— Что теперь он где-то глубоко в пущах, — дед почесался. — И придется идти туда. А это очень нехорошо.

— Почему глубоко? — Освальд удивился. — Кто бы позволил ему пройти так глубоко и как он смог это сделать сам, без помощи?

— Верно спрашиваешь, красавец, — Чихъ, явно решив не терять времени даром, достал небольшой точильный камень и принялся править свой изогнутый нож. Клинок, длиной где-то с половину его собственной руки, до этого охотник не замечал. А остроту его видно и так, бриться можно. — Все вы, с городов,

красавчики, расфуфыренные дурачки, все до одного. Сколько вас мне довелось водить в лес, все вышли на одно лицо. Хотя нет… трое оказались не такими. Двое умерли практически сразу, совсем глупые. Один вернулся со связкой ушей. Подарил вот этот самый нож старому Чиху.

— Мне твой рассказ очень поможет поймать Тило. — Освальд слушал лес, пытаясь привыкнуть к нему. Пока не выходило. — Так почему он глубоко?

— Глупый дурень из города, — дед хихикнул под нос. — Что у тебя на спине, кроме мешка?

— Вода. — Большую, до краев наполненную флягу с ремнями, Чихъ сунул ему в руки еще на заставе. — И что?

— Через половину следующего перехода нам попадутся первые родники. — Чихъ полюбовался волнистым узором стали ножа. — Не пей, или глаза твои станут сильно красными и лопнут, а язык станет черным и большим, вывалится изо рта, вот так.

И показал, вывалив до подбородка длинную малиновую лопату.

— Пить воду леса можно только через день пути, иногда дольше. Если бы твой колдун помер, птиц было бы видно еще с заставы. Тем более он не один, значит, стервятников слетелось бы много. Кружили бы над деревьями.

— А звери Квиста так не помирают, вблизи заставы?

— Не называй лес этим именем, — глаза деда прищурились. — Не стоит, поверь мне, красавчик. Он это не любит.

— Кто, лес?

Чихъ вздохнул.

— Да, да, глупый ты горожанин, лес. А звери… дети леса не боятся его воды, им она вреда не причинит.

— А…

Про отравленные родники Комрад ему ничего не сказал. Раньше слышать о чем-то схожем Освальду не доводилось. Квист точно не место для прогулок, надо же. В лесах у Синих гор, где ему довелось как-то воевать со странными созданиями, наполовину волками, наполовину людьми, тоже опасно. Но не так.

— Звери возле заставы практически не водятся. — Чихъ почесал подбородок, покрытый седой бороденкой. — Мелочь только, а на нее много птиц не слетится. Значит, красавчик, ушел твой колдун глубоко в лес. Сам он не смог бы этого сделать, помог кто-то.

— Местные?

— Нет, местные вон там, за стенами. А здесь только дети леса. Зачем только он им? Какой этот человек колдун? Не лесной?

— Морской, вроде как. — Освальд пожал плечами. — Я иду за ним с побережья. Наслал какой-то странный мор на рыбаков. Кто выжил — взбесились, кидались на людей. В залив призвал какую-то странную зверюгу, то ли рыбу, то ли еще кого. Без разбора убивала тех, кто вышел за уловом.

— Я понял. — Чихъ встал. — Идем дальше, засиживаться нельзя.

И они пошли.

Перелезали через поваленные стволы, мягкие, трещавшие изнутри трухлявой сердцевиной, полной жуков и личинок. Корни, свитые в тугие петли-ловушки, выпирали из-под земли, цепляли за ноги. Ветви у деревьев после окраины росли куда ниже, знай, успевай уворачиваться. Хватало кустарника, цепкого и густого. Освальд уже начал не замечать гнус, вьющийся вокруг. Под густыми кронами оказалось душно, пот ощущался всем телом, все первые часы. Потом запах притупился, отошел назад. Не сказать, что любое другое задание обходилось без него, но… даже на дальнем Юге рубашка не оказывалась такой мокрой.

Квист давил. Освальду постоянно приходилось оглядываться, ощущая бегающие по спине жадные взгляды всполохи. Но и к ним удалось привыкнуть. Чихъ пер напролом, и лес, казалось, обтекал невысокого ледащего деда. И мешал охотнику, старательно пытающемуся не отстать. Выходило, хотя и с трудом. Квист ни на минуту не давал забыть о себе.

Хотя, памятуя о странном составе, что Чихъ заставил растереть по телу, особенно подмышками, в паху и между пальцев ног, Освальд удивляться перестал. Да и запах, появившийся сразу после первых шагов, явно возник не сам по себе. Чихъ, первый раз проигнорировавший вопрос, смилостивился при его повторе:

— Люди леса ждут внутри дебрей тех, кто идет со стороны застав. — Старик харкнул себе под ноги. — Никто и никогда не заходит сюда по одному и тому же месту. Людей леса не так много, обмануть их можно. Ты пахнешь так, как пахнет лютобой, с ним мало кто захочет связываться.

— Кто это?

— Зверь. — Чихъ пожал плечами. — Очень лютый.

И, правда, как Освальд сам сразу не догадался. Лютобой, так лютобой. Вот если бы костогрыз какой, так хотя бы обидно было. А так…

Деревья росли густо и плотно, переплетаясь между собой, закрывали серую хмарь неба. Названия большинства Освальд не

смог бы назвать, даже изучая ботанику в институте Сайентолль. Слишком старый лес, слишком древний и опасный. Смешные ребята, почитающие себя учеными мужами, сюда вряд ли добирались. Мало кому захочется пойти на прокорм неизвестному виду хищников или человеку, не признающему ничего кроме собственных законов. Хотя, подумалось Освальду, уж кто-то, а умники из Безанта сюда доберутся. А если не захотят, то кесарь-Солнце их явно заставит.

Изумрудно-зеленое, грязно-серое, охряно-желтое и красно-багряное море вокруг волновалось и жило само по себе, казалось, наплевав на двух странных букашек, упрямо прущих на своих двоих вперед. Чихъ вел вперед даже не тропками. Старик упорно шел в такие заросли, где пройти казалось совершенно невозможным. Но они двигались вперед с завидной скоростью. Игла в «искателе» не крутилась, твердо показывая только вперед.

Чихъ поднял руку, Освальд остановился. Старик повернулся, приложил палец к губам, присел. Пришлось следовать его примеру. Как перед ними и чуть сверху оказались несколько широченных и плотных листов какого-то местного лопуха, ростом по пояс Освальду, он и не заметил. Чихъ ткнул пальцем вперед.

Освальд потянул за ремень арбалет. Сухая и теплая ладонь старика остановила его. Он непонимающе уставился на него, впереди еле слышно хрустнуло. Освальд повернул голову к шуму, замер, заметив пошевелившийся куст. Через листья еле заметно мелькнула рыжая шерсть.

На открытую поляну выбралось странное существо, больше всего похожее на огромную крысу с маленькими ушами и без хвоста. Село, блеснув глазами, потянуло носом, внюхиваясь. Еле слышно свистнуло и переваливаясь побежало к соседней заросли. Следом, юрко покатились шесть маленьких рыженьких клубков. Второе большое животное появилось тут же, так же потешно, как и первый рыжик, покрутило пятачком, розовым и гладким, скрылось в зелени.

— М-да… протянул Освальд. — А я то…

— Большезуба ждал? — хихикнул Чихъ. — А это капи. Большой и трусливый вкусный капи. Теплый, полезный… грызун.

— Это я понял. — Охотник покачал головой. — Так ветер же от нас дует, почему не убежали, запах же?

— Какой? — Непонимающе посмотрел Чихъ.

— Лютобой.

— Ахахах… — заквохтал старик. — Ну да, ну да, красавчик, лютобой. Лютобой мясо не ест.

— Траву что ли?

— Листья, корешки, траву, ягоды. Лютобой не хищник.

— А?..

— Но дерется страшно. Не хотелось бы с ним столкнуться.

Освальд промолчал. Солнце, упорно катившееся к горизонту, пробивалось через кроны все слабее. А им еще предстояло идти и идти. Дед его удивил.

— Остановимся здесь. Капи знают, где искать путь жизни, опасности нет. Да и никого из народа — тоже.

Чихъ нырнул в заросли, вернулся через минуту, с несколькими рогатыми и длинными сушняками. Споро подставил под густой кустарник, завел несколько длинных побегов за них, плющом, стелившимся по стволам, не отрывая, перетянул. Освальд только покачал головой. Шалаш не шалаш, шатер не шатер. Но даже дождь им сейчас не помеха.

— Ты сидишь до Трех сестер. — Чихъ почесался под своей бурой мешковиной. — Они появятся в-о-о-о-н там. Запомнил?

— Да.

— Ты сходи, да отлей, а то потом лучше отсюда не вылезать.

— Почему?

Дед покачал головой. Освальд неожиданно вспомнил себя в Старой школе, ничего не знающего и не умеющего. Вроде бы и мастер Гельд, браконьер и опальный королевский стрелок, потомственный лесовик из Шварценхаффена вдолбил многое в голову, а вот, подишь ты… Хотя, вряд ли почтенный и кривой на левый глаз учитель бывал в Квисте. А здесь же, как стало ясно давно, все совершенно по-другому.

— Это гьюффель, по-нашему — ночношип, злой кустарник. Как стемнеет, вот тут развернутся шипы, и он начнет вонять. Растут вот так, один рядом с другим, и не пускают ночью к себе никого. И не выпускают, понимаешь, красавчик?

— Да. — Освальд посмотрел на прореху живой и темной крыши. — Два вопроса, ты не против?

— Все вы городские такие, только бы вопрос. Валяй, кхе-кхе.

— На кой ляд этот гьюффель сдался кому-то ночью? И если он гьюффель, то ночношип — по-каковски, по-вашему?

— Цветы, распускающиеся ночью вот здесь, внизу. Мягкие, как пух, разлетаются, тащут с собой семена ночношипа. Их собирают для лечения, а гьюффель не дает это делать. Один городский ферт говорил мудреное слово, как это… симбиоз, ага. А по нашенски-то? Гьюффель, это на имперском и побережном. А по границе говорят не так. Ты отливать-то идешь?

Запретный лес-5: след дракона

Смеркалось не стремительно, но лес погружался в ночь все равно быстро. Тут-там-сям, незаметно, но тени становились гуще, расползаясь просто пятнами сумерек, накрывая собой кустарник, подлесок и землю. Деревья тут пока не казались великанами, но вверх, врезаясь в небо, краснеющее последними блесками заката, уходили почти корабельными мачтами.

— Скоро небо пропадет, если нам повезет. — Чихъ, казалось дремлющий, смотрел перед собой пустым тяжелым взглядом.

— Если повезет?

— Над сердцем Леса всегда тучи. — дед совершенно не язвил, вдруг став совсем другим. — Сердце Леса не видит неба, прячется от него.

— Как такое возможно?

Чихъ зло оскалился:

— Там живет тьма, красавчик. Разбуди меня к Трем сестрам, не позже.

Накрылся своей рваниной и сразу же пропал, почти слившись с кустами. Вот такие дела.

Освальд, пока ничего не понявший, не стал дергать проводника. Пусть спит, одному думается легче. А слух подвести не должен, поможет услышать в засыпающем Квисте опасность, если что. Наверное.

Тьма? Комрад, тогда, вечером, разговорился чуть больше. Они выпили небольшой кувшин местной наливки, полукровка, явно нечасто разговаривающий с кем-то вне своего странно-страшного лесного мира, начал говорить и Освальд его не останавливал. Знание владеет миром, если оно знание. Опыт командира Зеленой заставы сомнению подвергать не получалось.

— … сердце Квиста там, ближе к морю. Оно пульсирует теплом, квестор, живым теплом из-под земли. Там нет снега даже зимой, а здесь они, зимы, порой лютые. На два дня пути во все стороны, где-то на три, лишь приходит осень, но листья даже не падают вниз. Да и нет там листьев, в самом сердце. Огромные травы, хвощи и папортник выше мужчины с Нордиге, лианы, огромные великаны, усыпанные цветами, покрытые ковром из вьюнка с плющем. Зеленое покрывало, плотное, мечом не разрубишь, затягивает там все, прячет под собой камень, стены, колонны.

— Что?

— Я видел. — Комрад покачал головой. — Видел статуи,

прекрасные и ужасные, знаешь, квестор, они как живые, только отвернись, повернут головы к тебе, уставятся и будут смотреть, не моргая. На холме Огня стоит башня, увитая смертоцветом от фундамента и до остатков оплавившегося темного стекла, оно вместо кровли. Идеально ровная треть полушария, колпаком накрывающего чертову башню. Её часто видят те, кто добрался до сердца Квиста в первый раз, видят ее и остаются там, в Костяном лесу вокруг проклятого холма. Знаешь, что там самое странное, кроме подлеска, сплошь усеянного костями и черепами? Не знаешь, само собой.

Это стекло не разбилось или треснуло. Оно оплавилось, а стены там обожжены, как кости из погребального костра, земля вокруг башни трещит стеклом, почти прозрачная на длину копья, если не больше.

— Ты был там? — Освальд отхлебнул из стакана. Старого серебряного и затейливо украшенного медальонами с королем Морганом, кажущегося очень знакомым. Да, такие хоть и редки, но не те, что так запали в память после Волчьих оврагов. Эти казались даже старее.

— Был, один раз. — Комрад с ненавистью покосился на стену с трофеями. — Вон ту башку с клювом принес с собой оттуда. Доказал сам себе, что смогу, добрался туда и еле удрал, оставив пятерку лучших разведчиков из-за собственной глупости и глупой гордости. Доказал никому и ничего ненужное.

Тиллвег, неожиданно для Освальда, не так много знавшего о эльфах-альвах, пьянея на глазах. Возможно, дело было в половине человеческой крови, кто знает?

— За десять последних лет был в лесу много раз. Но быть в лесу и зайти далеко — большая разница, квестор. Лес живой, он следит за нами каждый миг, смотрит из-под кустов, травинок, с веток и самых верхушек золотых гигантов там, ближе к своему сердцу. Слушает нас тысячами ушей и готов добраться, ударить когда ничего не ждешь. Квист живой, умный, страшный… Кесарь не хочет понять этого, не видит опасности и… а-а-а.

Комрад махнул рукой, мрачнея и все больше наливаясь неизбывной злобой, бродящей внутри полукровки очень давно.

— Слышал про Максимуса Гальдеррана? Слышал, понял. Он служил Безанту как мог, он построил Северный номед, как тот есть, понимал здесь все. Гальдерран слушал мой народ… наполовину мой. Тогда тиллвег жили здесь, в предгорьях, жили по договору и к ним даже не наведывалась Огненная палата, ждущая этого полвека. Тиллвег было немного, но мое племя было сильным, просто так их никто и не взял, не разбил, не разогнал кого куда, превратив в бродяг без дома. Гальдерран бывал здесь,

видел, слушал и понимал. Тогда Квист разросся до самых гор, добрался до залива Кердрек, молодая поросль леса поднялась у Поморья.

Рарог послал два легиона, оставив только заставы на границах. Я застал уже последние битвы с лесом, когда тиллвег, помогавшие людям, ушли. Огненная палата добралась до них, Зеленая застава строилась уже без помощи тех, кто воевал с Квист так давно…

Комрад налил еще. Сидел, молчал, смотрел в трещавшее пламя очага. Освальд смотрел на лицо, ставшее от мечущихся всполохов старше, старее, с сейчас заметными крохотными морщинами.

— Мы жгли лес, вырубали, засевали траву, пшеницу на пепелищах. Засеки по всей линии дубрав с рощами, а оттуда летели стрелы, копья, ножи, выбирались ночные чудовища, вырезавшие поселенцев целыми деревнями. Мы забирали себе не просто кусок земли, квестор. Гальдерран понял главное — если не запереть Квист в этих границах — лес заберет все, куда дотянется. И тогда не будет никого, кроме его детей, принявших тьму сердца Квиста.

— Двести человек, тридцать вернувшихся по личной просьбе Максимуса следопытов моей крови рядом с десятью малефиками, прячущимися за цветами Огненной палаты, десять рыцарей ордена Петра, караван с боевым огнем, много-много металлических сосудов, чтобы не пробили стрелами, камнями, копьями, не проломили палицами и топорами. Мы ушли туда, под темноту деревьев, на пять дневных переходов и дальше…

— Там ты увидел башню? — поинтересовался Освальд.

— Там я увидел тучи вдалеке. Густой серый ковер, растекающийся прямо посреди голубых прорех между деревьями, становящимися все выше. Мы три дня пили только воду, взятую с собой. Десяток человек, решивших, что им говорят чушь дикие варвары тиллвег, погибли в полтора сутках хода от заставы. Умирали, блюя и плеща кровью из всех своих дырок, после воды, набранной в лесных ручьях. Два десятка до того погибли в ямах с ползучей смертью, с кольями, с выступающей из-под земли зеленой ядовитой кровью Квиста.

Одна группа разведчиков, пять человек и два тиллвег ушли вперед и не вернулись. Мы нашли их утром, выпотрошенных, оскопленных и ослепленных заживо, повешенных на ветках в петлях из кишок товарищей. Первый раз племена напали к концу третьего дня. Меня с ними тогда уже не было, я и еще семеро остались в разбитом лагере, отравленных летучей паутиной, накрывшей часть колонны. Меня и выживших троих чуть не

повесили, как дезертиров.

Комрад замолчал, ссутулившись в кресле. От него ощутимо потянуло давней лютой жутью и страхом совсем зеленого юнца, попавшего в переплет.

— Из леса вернулись пятнадцать ушедших. Вместе с нами, всего пятнадцать. Там был один старый маг, один из выбравших сторону Безанта и Церкви, надевший цвета Огненной палаты. Дед почти вытащил нас из петли, подтвердил наши слова. Так я выжил и убежал отсюда. Нанялся на корабль до Безанта, там ушел в пустынную стражу, воевал с Халифатом, с аль-шатанни, стал разведчиком, научился биться и не трусить. И всегда помнил о Квисте.

Я набрал свой первый отряд там, посреди зноя и плавящегося на солнце песка. Мы потрошили кочевые кланы, взяли две пограничные крепостцы, передав десятому восточному легиону. Нас заметили и отправили в Абраксас, усмирять мятеж аристократов и ламий, решившихся на небывалое. С тех пор моя смерть даже имеет лицо, оно в мелких чешуйках и смердит их острым ядом, выбивающимся через поры. Из тех ребят здесь не осталось никого, стыдно сказать, но иногда им даже завидую. Ламии помнят всех и всё и придут по мою душу.

— И как ты вернулся, зачем?

Комрад кивнул на окно, прочно и плотно прикрытое массивным ставнем.

— Квист позвал. Он всегда тянет к себе побывавших внутри, добравшихся поглубже, проникает, как яд, внутрь и не выходит. Тебе страшно, но ты не можешь иначе. Квист сильнее, он тянет назад, даже не скрывая твой конец, а тот всегда один. У нас здесь своей смертью никто не умирает, всем достается оттуда.

Я вернулся, только узнав о наборе отрядов на заставы, Безант схватился с Эмиратом, Халифат бурлил и рвался в ту же драку, из двух легионов осталась половина, да и те в Раруге и Туангесте. А Квист оставлять без присмотра уже не решались, помня о Гальдерране и его словах с делами. Я и вернулся.

Через три года…

Комрад встал, мягко и неслышно оказавшись у стены, постучал по твердому и блестящему огромному клюву.

— Решиться пойти глубже помог случай. Знаешь, квестор, как бывает — ничего не ждешь, и вдруг тебе на голову сваливается неожиданность? Народ Амры напал на отрядец, шедший с Северной заставы в Раруг. А в отрядце вдруг оказался сынок наместника, отправленный папочкой секретно проверить заставы и наемников на них… хренов идиот.

Народ Амра, квестор, сущие демоны. Они бьются до

последнего, пока их не начнешь кромсать на куски. И, даже если отрубишь руку, тут же руби остальное, лучше сразу с головы… чтобы он не дотянулся и не выгрыз кусок ноги.

Амра не дураки, Амра даже имеют уши вдоль границы. Как и кто — мы до сих пор не знаем, понятно, люди, но никто ничего не знает, а слухи рождаются сами по себе. Птицы, звери, даже деревья служат Квисту, наблюдают, слушают и рассказывают… Да. В общем, мальчишку они утащили с собой, в самое сердце. Я и мои люди пошли за ними. Тогда я думал, чтобы спасти этого дурака. Только потом понял — это звал Квист и мой страх. Страх хотел стать больше, увидеть, разглядеть, что там — под клубами туч. Мы и пошли.

Тогда с нами не было Чиха, а мой народ ушел отсюда полностью. Только мои люди и я, дурачье, решившее, что сможет добраться куда захочет и куда не добрался целый отряд. Через четыре дня в лесу, выжившие все до единого, мы нашли то место. Кладбище. Одно из нескольких в лесу Костей. Они все сгнили там, остановившись у самого сердца Квиста навсегда. Я слышал их, слушал их голоса, крики, стоны, до сих пор слышимые таким, как я.

Они убивали их долго, они убивали их отовсюду, из-за каждого ствола, пня или куста. Сам лес добрался до людей, утаскивал под землю и дробил спины своими корнями. Рвал на куски и поливал землю красным. Там и остались мои люди. Пятеро. Трое пришли назад.

Комрад зевнул.

— Спать нужно, квестор… или как там тебя. Иди, ложись в той комнате. Оружие не убирай, тут Квист рядом.

— Почему тьма? — Освальд не злился, не услышав нужного. Расстраивался, не больше.

— Да только тьма может породить такое. Или спрятать в себе. — Комрад похлопал по клюву, погладил шкуру огромного серо-саблезубого кота. — Они же родились даже не сейчас. Они появились много веков назад, подохли повсюду, оставшись только там, в парящем мареве сердца Квиста и под его непроглядным небом. Птицы выше человека, странные звери, разбредающиеся во все стороны, змеи, знаешь, толщиной с бревно. И…

Комрад вдруг разом протрезвел.

— Что?

— На востоке, квестор, живут огромные ящерицы, чуть меньше мула высотой. Но они просто огромные ящерицы. Там, у башни, увитой смертоцветом, один из парней упал в яму. Там вязкая и мягкая земля, вода по щиколотку стояла…

— И?

— Это был след, квестор. Огромный след, такой же, как у тех ящериц, только очень огромный. Я не верю в драконов. Не верю в драконов где угодно, хотя знаю про троллей на севере или Хозяйку гор. Но здесь Квист и его темнота, а если так, то где еще выжить драконам, а?

Запретный лес-6: кривозуб и женщина леса

Три сестры, а на всеобщем, скорее всего Циклоп, пока не появились. Освальд сидел на прикаченном бревне, смотрел на светлое пятно среди общей черноты поверху. Чихь, завернувшись в плащ, неожиданно оказавшийся огромным, спал. Бесшумно, не меняя позы, сливаясь с темнотой и лесом. Пахло горьковатым запахом от распустившихся и неожиданно ставших светящимися цветов, сочной и насыщенной волной от редкой травы, листвой, сладковато-прелым запахом от земли. А Квист жил своей ночной жизнью.

Звуков в лесу хватало. Сейчас, в ставшей прохладной темноте, слышалось многое, скрытое днем. Где-то недалеко, добавляя запах свежести, перекатывался по камням ручей. Растекались холодные струйки, добавляя влаги в незаметные илистые поймы. Кто-то явно большой, может и сам лютобой, через равные промежутки, жирно чавкал грязью, шумно всхрапывал, совершенно никого не боясь.

Где-то поверху, у самых макушек великанов с корой темно-орехового цвета, с шелестом и шорохом кто-то перелетал со ствола на ствол. Угрожающе пророкотал совсем рядом булькающий рев, но ничего не случилось. Даже мелкие птахи не подумали испугаться и зацвикать. Когда за кустами, ощетинившимися сотнями кривых толстых шипов, еле слышно хриплый голос отрывисто что-то сказал, Освальд замер. Приближение людей он прошляпил самым настоящим образом.

В новом арбалете стрел помещалось, как и в старом, семь. Всего семь болтов, средней длины, толстых, с гранеными наконечниками. Уходя в Квист, Освальд не стал церемониться и зашел к кузнецу. Подпилил каждый наконечник, совершенно наплевав на раны тех, в кого попадет болт. Не то место и не то время, чтобы думать о гуманности, проповедуемой крылом церкви мученика, называвшимся «мирианами». Мириан, сестра погибшего страшной смертью основоположника, якобы всем желала добра и мира. Освальд даже в чем-то с ней соглашался. Но в случаях, когда речь шла о его собственной жизни.

Осторожно, стараясь не шуметь, поднял арбалет, направив его в сторону разговора. Тот не прекращался. Хриплый голос что-то доказывал, такой же, чуть моложе, не соглашался. Если же верить слуху, то кроме говоривших вокруг зарослей ночношипа сейчас терпеливо стояло еще не меньше трех человек. И это, само

собой, не внушало Освальду никакой радости. Еще меньше радовала стрельба на звук. Хотя…

На ладонь легла сухая и горячая рука старика. Чихъ, бесшумно сев рядом, покачал головой. Прижал палец к губам и провел пальцем по горлу. И три раза растопырил всю пятерню, совершенно расстроив Освальда. Пятнадцать местных жителей это, если уж на чистоту, проблема явно неразрешимая.

Выглянула луна, до поры до времени прячущаяся за низкими облаками. Свет от цветов тут же померк, Чихъ довольно кивнул. Голоса прекратили спорить, растворились в ночи, пропали. Лишь кто-то один, в самом дальнем углу кустарника неосмотрительно хрустнул чем-то, и тут же, судя по звуку, заработал удар в живот. Но не проронил ни звука. А Освальд уставился на руку Чиха, на запястье, приоткрытое сползшим рукавом. Кожа казалась черной.

— Ложись, — старик хмыкнул. — Народ Амра ушел, а вот завтра запах от нас выветрится, тогда придется хуже.

— Хорошо. — Освальд и не думал спать. Но сон пришел сам по себе.

— Что-то не так. — Чихъ остановился, присев за раскидистым и низким, с широченным стволом вязом. Или деревом, похожим на вяз, в Квисте полагаться на собственный опыт было себе дороже. — Очень не так.

Тут Освальд с ним согласился полностью. Вокруг все казалось «не таким». Вместо нормальных для северных лесов елей, сосен, дубов или даже полосатых белозерских берез, на глаза попадались только странные и незнакомые раскоряченные и перевитые узлом странности. Торчали вверх огромными павлиньими хвостами невиданные папортники и совершенно удивительные острые листья с Освальда высотой.

— Чую кого-то. — Чихъ повел морщинистой картошкой носа. — Не могу разобрать. Ты не чуешь?

— Нет. Что это? — Охотник ткнул в сторону стены светлых и высоких деревьев с листьями у самых макушек, начавшейся сразу за густыми зарослями папортников.

— Деревья, хех, не видишь?

— И много тут таких?

— Весь лес. — Чихъ почесался. — Это начинается сам Квист. А до этого, красавчик, было так… рощицы.

— Ночью, ты сказал, что это народ Амра?

— Да. — Чихъ сплюнул под ноги. — Трупоеды. Угли им под ноги.

— Они выслеживали нас?

— Если бы они выслеживали именно нас, то выследили бы.

Нет, ищут кого-то другого.

— Да тут, как погляжу, так и шастают все, кому не лень.

— Эт ты верно заметил, красавчик. — Чихъ хохотнул, уже привычно, сухим кашляющим смешком. — Назад только не все выходят. А че эт ты все мне на руки пялишься?

— Да так. — Освальд пожал плечами, вытер мокрое лицо. — Показалось.

Чихъ сплюнул, задрал рукав куртки. На запястье, темнея зеленоватой полосой, удобно пристроился бронзовый браслет с затейливым узором.

— Подарок. Ладно, пошли дальше. Правильно ж идем?

Охотник покосился на «искатель». Рубиновый конец на конце иглы полностью соглашался с проводником. Шли они верно.

— И хорошо. — Чихъ снова, с явным удовольствием, харкнул под ноги, чуть не попав на ногу Освальда. Само плевание доставляло старику видимое удовольствие, равно как и постоянное «почти промахивание» по своему спутнику.

Дальше оказалось еще сложнее. Травы на земле оказалось на удивление еще больше, чем раньше. Компанию незнакомой, схожей с осокой поросли, сизо-зеленой, с черными точками крапинками, вовсю составляли светлые и темные, толстые вьюнки, хвощи с оранжевыми листьями, вспученные грядки сиреневого мха и прочие гнилушки вперемежку с яркими цветами. На глазах Освальда один из них, красный, с широкими прожилками, практически на лету ухватил стрекозу. Квист явно показывал себя лицом.

Стало еще душнее. К шее, натертой пропотевшей тканью капюшона, хотелось приложить хороший холодный снежок. Или ударить как следует, прибив разом нескольких маленьких кровопийц, яростно атакующих людей. Или только одного Освальда. Судя по всему, Чихъ казался гнусу совершенно невкусным. На долю охотника крылатых, ползающих и передвигающихся другими способами отвратных тварей выпало куда больше. Чихъ над ним только посмеивался, лишь изредка почесывая подбородок через бороденку. Порой проводник выдавал емкие и ехидные замечания.

— А вот этих можно есть! — палец, смуглый до черноты, сухой до видимых почти полностью фаланг, с желтым ногтем ткнул в сторону совершенно непотребных, жирных и белесых гусениц, сидящих с нижней части широченного бело-зеленого листа. — Даже сырыми.

— А поджарить?

— Совсем вкусные будут. Пальцы даже съесть можешь вместе с ними. — Чихъ хватанул в горсть указанное «объедение» и

слопал. На ходу, не обращая внимания на покривившегося Освальда. — Вот этого берегись.

Охотник замер, глядя на острый наконечник рогатины у своего лица. Жало, хорошей стали, шевельнулось, что-то звучно и сочно чвакнуло, и на грудь охотника шлепнулась половина паука. Красный, мохнатый, с здоровенными жвалами. Вторую половину пришлось стряхивать с плеча и старательно оттирать густую слизь.

— Лес может убить сотней способов сразу. — Чихъ остановился у бьющего из-под перепутанных высоких корней родничка. — Один из них остался позади. Можешь пить и набрать во флягу.

— Всего сотней?

— В первый день. — Чихъ хохотнул. — А вот во второй или третий, если ему станет интересно играть с тобой, может убить и тысячью.

— Лес? — Освальд огляделся. Еще не так уж и давно он мог бы и не оценить слов старика. Сейчас ехидство Чиха воспринималось как хороший совет.

Квист, начав показывать самого себя, уже не казался обычным лесом. Даже немного не так. Предположения Освальда сбывались полностью. Задание, и без того не особо легкое, памятуя о деревне на взморье, грозило перерасти в убийственное. Подтверждение мысли не замедлило ждать. Оно появилось вдалеке, еле заметно мелькнув среди нескольких стволов невысоких деревцев, окружавших очередного серого гиганта, и пропало. Чихъ застыл, заставив Освальда суть не наткнуться на него.

— Ой, и неладно. — Старик сплюнул. — Кривозуб просто так днем не бегает. Ну-ка…

Освальд оглянулся, доверив проводнику принюхиваться и прислушиваться. Самому выделить что-то незнакомое или неладное казалось глупым. Воздух пах лесом, а так как лес был Квистом, то разбираться в тонкостях и нюансах стоило предоставить Чиху. Хотя кое-что уже стало знакомым.

Прель, сырость, легкая примесь сладковатой гнили из-под ковра перегноя, порой хрустящего при шаге. Идущий с недалекого круга цветов дурманящий аромат, тяжелый и кружащий голову. Вода, явственно пахнущая чем-то не особо приятным, теплая и относительно нормальная. Лиственный запах, густой и всеобъемлющий, накрывающий полностью, спускаясь от ветвей лесных гигантов. Едкая и странноватая сухость мха, щекочущая нос изнутри, поднимающаяся порой облачками желтоватых спор. Освальд даже различий резковатый запах зверя,

пробившийся слева, пройдя через густую стену папортников. Ну и вонь собственного потного тела, куда же без нее. Да, и даже она уже привычно смешалось с мазью из желез лютобоя.

— Кто-то впереди в беду попал. И этот кто-то не из леса. — Чихъ недовольно покрутил головой. — Не твой колдун. А…ладно, пошли.

— Твой кривозуб пошел именно туда?

— Не знаю. Скорее всего, да. — Чихъ еще принюхался. — Точно тебе говорю, пошли стороной обойдем.

Там, где виднелся пяток деревцев, кто-то заворчал и заурчал. Громко, с вызовом, с голодной яростью. Чуть позже ворчание перешло в недовольное шипение, заклокотавшее сбегающим кипятком в чайнике.

— Молодец, — скупо похвалил Чихъ. — Пошли.

— То есть там, вон за той зеленью, человек? — на всякий случай уточнил охотник. — Так?

— Ага. Баба, хороший лесовик, сама справится. Пошли.

Освальд вздохнул. Лучше бы Чиху промолчать про женщину, действительно прошли бы себе стороной.

— Дурак ты, красавчик. — Чихъ посмотрел ему в удалявшуюся спину, сплюнул и перехватил рогатину. — У тебя ж дело, зачем нам с тобой лезть и кому-то помогать?

— Поможем и дальше займемся, — буркнул Освальд, на ходу повесив рогатину на плечо, подтянув удобный ремень. — Но поможем.

Арбалет лег к плечу удобной и знакомой ношей. Барабан он смазал перед началом похода, механизм не должен был выдать. А там посмотрим.

Старик обогнал его перед самыми деревцами. Зашел вперед, вооружившись дополнительно топориком.

— Ты уверен, красавчик?

— Конечно. — Освальд посмотрел на «искатель» — Нам один хрен в ту сторону.

— Обойти могли. А теперь драться придется. Ты это, цельсь ему вот сюда, между плечами и шеей. Там вроде должен стрелой пробить. Мы так охотились.

— Хорошо, — охотник выглянул из-за ствола. — Только у меня-то арбалет.

— Так мы тоже в него не пердели или плевались. — Чихъ хмыкнул, сморкнулся и харкнул. — Ай, что с тобой говорить.

Освальд присмотрелся к полю боя и сам сплюнул. М-да, поработать придется на совесть.

Почему зверя звали «кривозубом» стало ясно сразу. Клыки, непропорциональные и неровные, невозможные в своем странном

расположении, торчали вкривь и вкось. Вытянутое рыло, покрытое плотной и морщинистой серой кожей, могло бы выглядеть даже смешным. Принадлежи оно хиленькой и не особо опасной пустолайке, что так любили богатейки в городах. Но длинная морда принадлежала не одному из таких недоразумений от собачьей породы.

Зверь, крепкий и широкий, кружил вокруг нескольких поваленных деревьев. Бил по земле длинным хвостом, увенчанным целой связкой торчащих в разные стороны игл. Взрыкивал, поводя темными впадинами ноздрей, но не совался к своей добыче. Из складок на шее торчали хвосты нескольких, уже сломанных, стрел. Кровь, поблескивающая на короткой грязно палевой шерсти, уже подсыхала.

Уголки прижатых ушей, колючки свалявшейся шерсти, матово желтые пластины по спине и бокам. Кривозуба не должно было быть. Но он ходил кругами вокруг кучи стволов, явно выжидая усталости своей добычи. Освальд ждать не хотел.

Сапог громко хрустнул валежиной, вовремя попавшей под ногу. Светлая труха подлетела, кривозуб зашипел, как закипающий чайник, потешно подпрыгнул на месте, тут же оказавшись мордой к охотнику. Уследить за началом рывка Освальд успел с трудом. Но выстрелил. Взвести арбалет, добавив в лоток следующую стрелу, у него уже не получилось. Десяток метров, разделявших их, зверь пролетел за пару секунд.

Освальд отскочил в сторону, арбалет, так и висящий на ремне, ударил по бедру, а фляга саданула по спине. Движение вышло кривым и нелепым, прыжок и упор на рогатину. Но зато он остался целым, разом оценив скорость и ловкость такого неуклюжего с виду хищника. Кривозуб всхрапнул, разворачиваясь на месте, затряс густой гривой. Земля, прелая листва и трава полетели в сторону. Освальд отпрыгнул дальше, перехватил древко ухватистее, нацелившись бить в складки на шее.

Запретный лес-7: Лисы, тиллвег и храм Древнего

Зверь оказался хитрее, зашел боком, подставляя выпуклые бляхи, закрывающие плечо с поджарым втянутым брюхом. Грива, прикрывающая голову, шевелилась клубком змей, свитая из множества волосков, свалявшихся в плотный панцирь. Атаковал бы кривозуб сходу, на скорости, мог бы сам насадить себя на жало рогатины. А так…

Взмах хвоста Освальд проглядел, успел лишь подставить древко, звонко хрустнувшее и брызнувшее щепками. Его самого бросило в сторону, больно приложив флягой по спине. Освальд ругнулся, кувыркаясь и видя прыгающего кривозуба.

Мелькнуло между пастью и самим охотником, свистнуло, чавкнув попаданием в пасть. Кривозуб, рыкнув, дернулся в сторону, лапой ломая стрелу, выросшую между темной губой и торчащими клычищами. Освальд выхватил топорик, готовясь ударить, прыгнул, целясь за ухо.

Следующая стрела прошла рядом с шеей охотника, резанув раскаленной иглой, впилась в маленький темный глаз зверя, провернувшись и войдя по самое оперенье. Одновременно с ловким и быстрым ударом рогатины Чиха, неведомо как оказавшегося рядом и тут же ударившего еще раз, подрезая переднюю лапу и добивающего зверя полосующим выпадом по горлу, вздувшемуся для рыка.

Кривозуб не рявкнул, не взвыл, только обиженно каркнул-кашлянул, блеснул струей темной остро пахнущей крови, упал. Освальд, остановив удар в волоске от черена Чиховской рогатины, выдохнул, глядя на тварь. Еще вздрагивающую, но несомненно помирающую.

— Сломал оружие, остолоп? — поинтересовался дед. — Говорил тебе, пошли мимо. Все зло от баб. Далась она тебе.

Освальд не ответил, первом делом проверив искатель и немного переживая за хитрое устройство. Мастер Броккенгауз не подвел, и новое яйцо-держатель, утопленное в плотную кожу, не пострадало. Игла багровела, указывая все в ту же самую сторону, куда шли до всего этого, не дергалась, уставившись на приметное непонятное нечто, смахивающее на огромную морковную ботву… Только желто-серого цвета.

Потом занялся арбалетом, перекинув тот вперед и проверяя механизм. Упал Освальд вроде бы удачно, не считая несомненных синяков от фляги, но все же, все же. На первый взгляд все

казалось целым, но казаться — вовсе не значит быть не сломанным. От сердца отлегло, дварговский механизм оказался еще более надежным, чем старый, даже не погнулся. На всякий случай пришлось проверить, взвести, перезарядить. Но все работало хорошо.

— Пойду помогу, — буркнул охотник, — посмотришь вокруг?

— Могу уйти, конечно… — Чихъ сплюнул ему под ноги. — Но Комрад обидится. Говорит, мол, врать я не умею, а придется говорить, что ты помер из-за собственной дурости. Не охота обманывать такого хорошего человека.

— Так он и не человек.

— Это как посмотреть. — Чихъ оскалил свою неполную и жутко пакостную ухмылку. — Куда человечнее многих других.

— Это наверное. — Освальд двинулся к зарослям, что атаковал кривозуб, подняв арбалет. — Так и не ври.

Дед остался что-то ворчать себе под нос. А вот Освальд шел вперед, держа арбалет наготове. Такую стрельбу ему видеть не доводилось, не считая Хорсы с его луком. Стоило осторожничать.

Зеленое, охряное и крапчатое, перекрученные пучки длинной травы и листья, проклятые вездесущие хвощи и странный вьюнок, переплетающий кусты, поломанные и раскиданные рухнувшей большой ветвью. И там, явно попав в ловушку, сейчас находится опытная баба-лесовик, стреляющая совершенно невозможным образом. А еще ее почему-то не видно.

— Стой!

Освальд замер, ища ее глазами. Зелень, темная зелень, охра, черно-красные пятна листьев вьюнка, желтеющая зелень… пробившийся редкий луч отразился от наконечника. Такого же, как у него самого, подпиленного и убойного. Теперь Освальд увидел.

Зелено-серый рукав, размазывающийся на глазах, только отведи взгляд. Темный лук и темные перчатки, неразличимые в прыгающих тенях. Складки капюшона, теряющиеся среди мелких листьев кустарника. Лицо, скрытое наполовину маской и вымазанное чем-то бурым на открытой части.

Глаза и темно-золотистые, почти медные, волосы Освальд едва разглядел.

— Зачем идешь?

— Помочь выбраться.

— Кто такой?

— Квестор, послан наместником искать малефика. Вон тот, это…

— Я знаю кто это. Это последний лис, как мне тебе верить?

— Кто?

— Он из народа Лис. Последний.

— Я все слышу. — каркнул Чихъ.

— Не знаю, из какого он народа. — Освальд сложил плечи лука, закинул арбалет на плечо и поправил ремень. — Его зовут Чихъ и его указали мне в Раруге, как проводника. Не хочешь помощи, так не надо. И благодарности за помощь тоже. Мне уйти?

Она молчала, подрагивая наложенной стрелой. Сколько можно удерживать тетиву? Освальд покачал головой, поняв — кого только что выручил из беды. Охотник развернулся.

— Стой.

Вот этот ответ Освальд ждал, вновь достав топор из петли на поясе.

Он освободил ее быстро, стараясь не притрагиваться к вьюнку, успев заметить, как женщина отводила его концами лука, стараясь не дать прикоснуться даже к одежде. Охотник успел разглядеть, как красно-черный крап листьев поблескивает от почти незаметно-прозрачной жидкости. Квист любил убивать разными способами, тут Чихъ не врал вообще.

Срубив крепкую ветку, подложил ее под упавшую, прижавшую женщину к земле и не раздавившую только из-за бедных кустов, не сломанных до конца и кое-как не давших раздавить ее немалым весом, сломав кости от колена и почти до ребер. Стрелок, чуть почувствовав свободу, откатилась в сторону, ворча и по-кошачьи шипя под маской. И встала.

Она оказалась не ниже его ростом, сильная и гибкая, похожая на свой собственный лук, совершенно не кажущийся изящной драгоценностью, порой встречаемой среди паноплий в замках. Хозяева тех композиций из оружия очень любили показывать изукрашенные узорами и финифтью луки странноватых форм. Как же, иметь такую редкость, как лук настоящего альва, как же…

У нее он оказался совсем другим, если и отличающимся от обычных, то не сильно. Чуть другие накладки из кости, чуть странноватая оплетка на кончиках плеч, ну и немного инструктации, кажущейся просто древесным узором. А как еще могло быть у оружия настоящей тиллвег?

Свободный костюм, мягкие высокие башмаки с ремнями-оплеткой, капюшон, тут же оказавшийся на голове. Стрелу тиллвег убрала в колчан у пояса. Блеснула болотно-зелеными глазами, рассматривая охотника, протянула руку:

— Я Айна.

— Освальд. А там, повторю, Чихъ.

— Я знаю. — маска согласно повторила ее кивок, тряхнув махрами внизу. — Спасибо тебе.

— Хорошо. Что ты тут делаешь?

Айна пожала плечами.

— Ищу плохого человека. Того же, что ты.

— Врет она все. — заявил Чихъ.

— Достань мои стрелы, Лис.

— А не пошла бы ты куда подальше, угли тебе под ноги?

— Достань стрелы, еще раз говорю. И не писайся от страха, старик, рядом нет твоих родичей.

— Они мне не родичи.

— А я тогда человек, надо думать.

Чихъ заворчал, но перестал смотреть вокруг и, совершенно неожиданно, начал доставать стрелы.

— Нам нужно сделать тебе древко, — Айна… улыбнулась? — И идти дальше. Пока будешь прилаживать наконечник, займусь собой. Старик покараулит.

— А не пошла бы ты, манку?

— Обязательно пойду, старик, но когда все сделаем.

— Нам нужно? — Освальд не спешил заниматься древком. — Тебе оно зачем и мне для чего твоя помощь?

— Мы тратим время. — Айна достала из незаметного подсумка пахнущую жиром ветошь, быстро промазала тетиву. — Пойдем, я займусь синяками, ты черенком, дед будет охранять.

— Ненавижу манку, — заявил Чихъ, протягивая тонкий пучок из всех выпущенных ею стрел. — Манку всегда нужно командовать и им наплевать на людей, красавчик, запомни.

— Манку? — Освальд посмотрел на нее, на него. Что-то ему это уже не очень нравилось.

— Лесной дух, — Айна покачала головой, — нас никогда не любили лесные племена.

— Интересно почему, да, красавчик? — Чихъ сплюнул, зло смотря то на нее, то на Освальда.

— Боялись. — ответила Айна. — Вот и весь ответ. Помоги ему найти новое древко и приходи меня охранять. Буду у родника.

Чихъ, ругаясь сразу двинул в одному ему известную сторону. Освальд, прежде чем догонять тиллвег, окликнул его.

— Чо? — зло бросил дед.

— Почему ты ее слушаешься?

— Она манку, я должен. Иди. — Чихъ махнул рукой и скрылся за широкими и тяжело гнущимися листьями, выше и шире его самого.

Освальд, покосившись на кривозуба, неожиданно вздрогнувшего, вздрогнул сам. Квист, старый, странный и проклятый лес, жил своей жизнью. Падальщики не ждали ухода больших двуногих, падальщики торопились на пир.

Несколько длинных и узких зверьков, смахивающих на хорьков, закованных в гибкую, как елочные чешуйки, броню, уже старательно выгрызали язык хищника. На боках, извиваясь и отдирая хорошо заметные кусочки, вились поблескивающие кольцами многоножки с кривыми жвалами. Недавно мелькавшие над головой красивые изумрудно-переливающиеся крохи-птицы с узкими клювами-шилами, успели выклевать глаза и по одной юркали в широкие ноздри, кажущиеся дышащими. Обтекая ноги Освальда, черными ручейками, решительно двигались колонны больших муравьев.

Жизнь в Квисте, умирая, очень ярко показывала свой круговорот, давая пищу другим жизням.

Дорогу к роднику Освальд вроде запомнил, но нигде не видел Айны. Покрутил головой, пытаясь понять — заблудился, либо нет?

— Я тут.

Он пошел на голос, идущий из-за разлапистого широкого дерева с торчащей половиной корней. Широкие округлые листья, серебристо-алые, уже начали опадать, давая место свежим, сверкающим свежими льдистыми остриями в раскрывающихся почках.

— У меня на поясе в широком кармане полотно и зеленое тесто. Разомни его и дай с полотном.

Освальд не стал спорить, просто нашел нужное. Тесто пахло чем-то приятным, становясь теплее и мягче, из твердого быстро став почти свечным воском у самого пламени. Освальд обошел ствол и протянул ей, стараясь не удивляться. Отворачиваться он и не подумал.

Айна стояла между корней, где родник, бурлясь, затекал в глубокую промоину, почему-то слегка паря. Стояла голышом, светлея золотистым гибким телом между темной бугристой коры. Темнели и багровели размашистые пятна от удара ветвью, такие, что казалось странным — как тиллвег могла стоять? От крепкой небольшой груди, вспухшей двумя рубцами и до твердой даже на вид задницы — почти сплошной кровоподтек.

А еще ее волосы оказались безумно красивыми. Живой медью липли к гладкой коже, перекатывающимся мускулам, превращающим и без того чудесную женскую красоту в идеальную.

— Вот так манку всегда и завлекали дураков вроде тебя, красавчик. — сплюнул сзади Чихъ, ни разу не хрустнувший подходя. — Сводили с ума и делали своими рабами.

— Врешь ты все, Лис. — лениво ответила Айна. — И завидуешь, потому как он молод и явно красивее тебя. Освальд, я

бы на твоем месте помылась. Полтора дня Квиста пахнут, с непривычки, очень сильно. И точно перебивают смрад дохлого лютобоя.

— Ничего страшного. — Освальд присел у дерева, скинув, наконец, флягу. Спина пела песню страданий и он с ней соглашался. — Потерплю.

— Дурак. — Айна, переложила в левую руку, раньше скрываемую в правой и за волосами, зло бьющуюся пиявку с лапами, прижала к круглому и почти черному пятну на левом бедре. Тварь тут же вцепилась, прокусив кожу и обмякнув, на глазах становясь еще темнее и плотнее. — Твое дело.

— Манку даже змеи не кусают, боятся отравиться и помереть. — фыркнул Чихъ. — А кровососки их лечат, боятся, что иначе приколет к дереву и оставит птицам.

— Племена всегда нас боялись и завидовали. Делай рогатину, Лис, хватит трепать языком. Квестор, поможешь мне с мазью?

Она подошла ближе, встала, тряхнув медью, мокро облепившей качнувшуюся упругость. Освальд, чуть не расплескав в стороны совершенно размякшее тесто, кивнул и встал.

— Чихъ из лесного народа, верно?

— Да. Он последний Лис.

— Но у него нет татуировок.

— Конечно, он же Лис, все лисы хитры и могли спокойно уходить за засеки, бродить среди людей, устраивать засады там, где их не ждали.

— Мы не воевали с людьми.

— Ты еще скажи, что не приносили жертвы своим духам, старик.

— Мы никого не убивали и никому не выпускали кровь с кишками.

Айна кивнула.

— И ведь не врет, квестор. Они просто заманивали детей к шаману, а тот направлял их в лес.

Освальд покосился на Чиха, угрюмо прилаживающего к ратовищу наконечник.

— Мы заключили договор с Безантом. — дед оценивающе осмотрел работу, спроворенную очень быстро. — Нас предал кто-то из ваших, красавчик. Выдал с головой народу Амра и народу Вётел. И Лисов не стало, кроме одного глупого мальчишка, ушедшего в ту ночь на праздник весенних костров в деревню. Старейшины нам это разрешали, нам было интересно, мы бросали жребий, уходя по одному.

— Лис не осталось. — Айна, проверив плотно натянутое

Освальдом полотно, осталась довольна. — И это не очень хорошо.

— Манку жалеет о Лисах? — Чихъ сплюнул.

— Манку жалеет о помощи твоего племени, когда нам было чуть проще. Не сильно, но проще.

Чихъ не стал сплевывать, просто встал и ушел куда-то в кусты.

— Помоги.

Айна протянула руку и поднялась, цепко ставя ноги на осклизлые корни, торчащие змеями.

— Спасибо, квестор.

— На Зеленой заставе командует…

— Комрад, полукровка. — Айна кивнула. — Думает, нас никого здесь нет. Глупый и самонадеянный, решивший, что ему нужно идти своим путем и не понимающий, с чем мы тут боремся.

— А с чем вы боретесь?

Айна впилась в него глазами. Освальд неожиданно понял странную штуку: ему стало наплевать на ее красоту. Такие глаза в обычной жизни могли быть только у давно живущей на свете и вкусившей ее полностью бабки. Спрашивать — сколько ей лет ему совершенно не хотелось, даже было немного страшно.

— Ты знаешь о Древних?

Освальд вздохнул. Знает ли он о Древних? О, да. Выродок Древних устроил кровавую бойню в городе на озере, чуть не прикончил его самого и был остановлен только северным медведем-оборотнем, погибшим вместе с ним. А сейчас…

А сейчас где-то впереди идет странный колдун, выживший в Квисте. И если рядом Древние…

— Твой малефик, что ты знаешь о нем? — Айна наполовину оделась.

— Он морской колдун. Это хорошо.

— Это совсем не хорошо. Потому что он не морской колдун. — Айна натянула куртку, расправив свободные части и затягивая шнуры рукавов и талии. — Плохо, что никто в Раруге этого не понял.

— И кто же он тогда, о умная манку? — поинтересовался из-за кустов Чихъ.

— А кто пойдет к Серой роще и храму Стагга, Лис?

Чихъ оказался рядом с ними быстро, явно испуганный.

— Он идет туда? Ты уверена?

— Да, — кивнула Айна, — а потому мы должны догнать его раньше. И убить.

— Что за храм? — Освальд начал закипать от непонимания.

— Стагг повелевал мертвой плотью. — Айна устраивала

колчан. — А твой малефик смердит смертью так, что вряд ли провел бы кого из магов, останься они у людей. Он некромант. А в храме Скагга спят в земле его воины, самые страшные твари, бродившие в Квисте. Хотя… тогда они бродили повсюду. И он, некромант, идет прямо туда.

Запретный лес-8: тёмный страх

Некромант идет к храму Древнего. Древние и кровь как братья-близнецы, связанные навек. Эту простую истину Освальд уяснил за последние несколько лет очень хорошо. Выбор очевиден, им просто нужно успеть быстрее некроманта Тило, явно ведомого зовом Стагга. Стагга, чей храм стоит в сердце Квиста, где даже цветы горазды убивать чужаков. Отлично, больше никак не скажешь.

— Надо поторопиться. — Айна, уже полностью одевшаяся, приводила в порядок экипировку. — Попробуем догнать у Серой рощи.

— Головой ударилась, манку? — ласково поинтересовался Чихъ. — Как мы с этим пройдем?

И кивнул на Освальда.

Тиллвег, закрепляя в ножнах за спиной выгнутый клинок, не смутилась:

— Молча. И очень тихо. Ты там понесешь флягу.

— Я?!

— Ты. Я буду смотреть и слушать, ты бесшумно двигаться, а наш горожанин пытаться делать хотя бы что-то хорошо.

Освальд, подумав, решил не вступать в обсуждение предложения, фляги и собственной персоны. Здесь, внутри леса, порой раздумывать и спорить точно губительно. Тем более, когда вдруг вышло оказаться не ведущим, а ведомым. Плохого в этом охотник не видел совершенно ничего. Если тиллвег, спасенная ими, решила вот таким образом отблагодарить, нужно просто порадоваться.

Даже ему, стыдно сказать, полному новичку в знании лестных законов, очевидна простая штука: Айна лучше старого Чиха, пусть тот, не совсем неожиданно, один из детей Квиста. Тиллвег лучше и она на их стороне, пока, во всяком случае. Это ли не удача? Хотя…

— Что плохого в вашей роще?

Айна пожала плечами. Чихъ сплюнул, почти под ноги именно ей, видно для разнообразия.

— В ней деревья Памяти народа Амра. Там спят вожди, шаманы и герои.

— И?

— И там всегда есть эти ублюдки. А где Амра, там смерть чужакам, долгая и очень болезненная. Меня, скорее всего, обездвижат, подрезав жилы, потом кое-где снимут кожу, сверху насыплют соли для веселья и бросят в лог. Где поглубже, посырее

и потемнее.

Где водятся всякие разные жуки, и не только. Освальд, памятуя о падальщиках, начавших почти моментально объедать кривозуба, даже вздрогнул.

— Испугался? — Чихъ оскалил зубы. — Можем вернуться, пока не поздно.

— Идем дальше. — Освальд закинул флягу на спину. — Понесу, пока будет можно. Лучше крути головой вокруг. Мне хочется вернуться.

— Храбрый человек. — уважительно кивнула Айна. — Он мне нравится, Лис.

И легко скользнула вперед, тут же найдя тень от раскидистого светлого дерева-крепыша, шелестевшего крапчатыми светлыми листьями, и не думающими про осень и опадать. Лук, конечно, уже был у нее в руке, с наложенной стрелой.

Идти в лесу — целая наука. Только тут Освальду стала ясна цена его же собственным умениям. Век живи и век учись, все верно. Ему приходилось жить в лесах, укрываться в лесах и искать в них же головорезов с душегубами. Приходилось, верно, пусть и редко одному. Но любой бор, осинник и даже густые дубовые леса предгорий в магистратурах не могли бы сравниться с Квистом. Здесь учиться можно было всю жизнь, но так и не суметь стать своим. Свои тут рождались, жили и умирали. Ну, либо готовились умереть, как Чихъ, пропавший из виду и редко появляющийся по сторонам.

Айна вела Освальда, стараясь не сильно отрываться и не дать ему устать. Скользила впереди, почти незаметная в своей незаметной одёжке, сливаясь то с разлапистыми широкими листьями, росшими из земли, то с колючим давешним гьюффелем, разросшимся кое-где совершенно по-хозяйски.

Прелью пахло все сильнее, небо в просветах между золотистыми и бурыми великанами, тянущимися все выше, почти не мелькало. Серого и дымчатого, обещанного Комрадом, заметно не было, но радоваться ли этому или нет, Освальд не знал. Просто шел, прыгал, протискивался и порой опускался на четвереньки, стараясь угнаться за неутомимой рыжеволосой нелюдью, чувствовавшей себя как дома в окружающем зеленом аду.

Рубашка и поддоспешник пропитались потом несколько раз и, чуть меньше, просохли после горячего полубега между редко стоящими почти знакомыми березами, где даже встречалась голая земля, покрытая лишь остатками старой листвы и сухим валежником. Кольчуга, пусть и легкая, сделанная в мастерской

Эпрона, тянула плечи вниз, из привычного веса превратившись почти во врага.

Вылезающие наружу корни норовили ухватить за ногу, трава, вылезающая совершенно неожиданно, тянула оскользнуться, а следить за сучками и торчащими из них шипами вдруг стала постоянной спутницей. Под ноги, верх, в спину тиллвег, по сторонам, ища Чиха. Если бы не рогатина, Освальд пару раз точно мог бы ляснуться в самых небезопасных местах, открывающих рядом с ним, руку протяни, уходящие вниз склизкие бока темных и влажных овражков. Перепрыгивать через часто бегущие ручьи пришлось постоянно, и тут ратовище пригодилось еще больше.

Опереться, прыгнуть, всем весом на недавний сук, приземлиться, вытянуть из чавкающей земли пятку древка и дальше. За не оглядывающейся Айной. За спешащей совершенно спокойно, не сбившей дыхания и даже не потеющей Айной. Перебирай ногами, не лесной человек, дитя городов, деревень и обжитых трактов, да смотри не помри. Это Квист, тут такое случается постоянно. Крути головой по сторонам и старайся не пропустить явную опасность и ее же, только спрятавшуюся поглубже, завернувшуюся в невесомую красоту цветов и листьев, скрытую в переплетении низко опущенных ветвей или ждущую своего часа в высоченной, лезущей все чаще, сизо-зеленой траве, росшей почти пучками.

Далеко за полдень Освальд убил рогатую рыже-красную змею, разрубив рогатиной пополам. Отлетевшую влево половину тут же поймали на лету серпы жирной белесой гадости с сотней лапок. Вторая, вот вроде красневшая в зелени, почти тут же стала черной из-за облепивших ее вездесущих аскарид и прочих членистоногих.

Освальд, сплюнув, поправил флягу и, осторожно проверив рогатиной самый обычный пень, сел. Вытянул ноги и сплюнул еще раз перед тем, как прополоскать рот водой.

— Сдох? — поинтересовалась Айна, появившись на гладкой и почти безлиственной ветке, спускавшейся от пузато-колючего ствола чего-то странного и кажущегося живым.

— Скоро завоняет, — буркнул Чихъ, — слабак.

Освальду было глубоко наплевать на слова. Ему требовалось всего немного времени, просто перевести дух и идти дальше.

— Ты в железе долго бегать собрался? — поинтересовалась Айна.

— Все время.

— Не поможет, если что случится. — она кивнула своим же словам. — Надо сделать тебя легче. Может, снимешь?

Освальд мотнул головой.

— Как плечи не натер, непонятно. — Айна отхлебнула воды и покосилась на него. — Часто носить приходится?

— Спать, есть и все остальное, а не просто носить.

— Ты бы видела его куртку, манку. — Чихъ появился спереди, принюхиваясь и озабоченно двигая почти всем телом, включая уши. — Такая, знаешь, прямо городская-прегородская, воротник по рожу, шнурки, крючки, длинная и с разрезами, как у бабы.

Айна, свесив ноги в широких штанах, хмыкнула.

— Отдохни и поешь. — тиллвег поднялась. — Проверю путь вперед, буду когда солнце дойдет до златолиста.

И показала на что-то, больше всего напоминающее ясень, выросший раза в три-четыре больше обычного стройного красавца. Солнце? Освальд поднял голову, всматриваясь в просветы.

— Хорошо, манку, — Чихъ сплюнул, — я понял тебя. Иди.

Старик запрыгнул на ее же ветку, легко и свободно, как мальчишка. Сам Освальд сейчас, скорее всего, так бы не смог. Дед сел, привалившись к стволу, тут же выудил из коры какую-то большую светлую дрянь типа палочника и съел. Освальд достал вяленое мясо, кинул ему полоску.

— Какой вежливый красавчик, м, — промычал Чихъ, отрывая кусок. — Не фалко?

— С чего бы?

— Я дикарь, лесовик и Лис.

Освальд пожал плечами.

— Ну, тогда давай еще.

Дед спорол выданную порцию поразительно быстро и, поймав следующую, явно не собирался ее смаковать.

— Манку права.

— В чем?

— Надо идти наискось, срезая путь. Твоего колдуна повели дети Амра, они идут не торопясь, значит, несут кого-то в Серую рощу.

— С чего ты взял?

— Это Лес, его надо слушать.

Освальд кивнул, вытянув ноги и прикрыв глаза. Конечно-конечно, еще одна замысловатая мудрость от великого следопыта.

— В переходе от места, где ты пялился на ее сиськи, есть кусок низкого леса. — Чихъ вздохнул. — Там гнездятся самые обычные соловьи, они прилетают сюда зимовать, здесь тепло. Соловьев никогда не трогает народ Вётел, никогда не трогали мои братья и сестры. А вот Болотные и Амра едят все, даже соловьев. А особенно их потомство.

— Чего?

— Тут тепло, красавчик, тут первые птенцы взрослеют быстрее, потому в Квисте соловушки несутся еще раз. Они же птицы, глупые, селятся в одном и том же месте. И Амра спокойно идут там и лакомятся глупыми птицами и их яйцами.

— Ты хочешь сказать, что услышал потревоженных птиц так далеко?

— Я увидел несколько бурых кошек. Одна, две, три, неважно, они никогда не ходят так вот, рядом. А тут, одна за другой, бежали в ту сторону. А перед этим слышал воронов, поднявшихся и летящих туда. Кошки бегут подбирать подранков и упавших вниз птенчиков, красавчик. И даже не станут драться из-за них. Квист говорит на своем языке, его просто надо понять.

Действительно…

— Тебе нельзя попадаться к Амра вообще. — заявил Чихъ. — Тебе будут убивать долго. Глаза разные, Амра примут тебя за оборотня и начнут приносить в жертву Йа-ахху. Это больно, даже для меня. Ты будешь висеть у священного дерева, тебе начнут отсекать палец за пальцем, снимать кожу с членов, подпаливать волосы и яички.

— Спасибо. — Освальд представил себя висящим у священного дерева с подпаленным пахом и вздрогнул. — Сколько брожу по свету, только дивлюсь на выдумку людей насчет как-бы похуже с таким же человеком обойтись.

— Да? — поразился Чихъ. — Думал, только у нас.

— Точно. — Освальд мотнул флягой, проверяя воду. Плескалось достаточно. — Ты вообще один?

— Совсем. — Дед сплюнул. — Как последний палец у вора-карманника после пятой поимки.

— Я тоже.

— Да ну? — Чихъ почесался. — И давно?

Освальд прислушался к звукам Квиста, но не услышал ничего нового. И Айны тоже.

— Не помню. Помню себя лет в восемь и уже одного. И немного помню берег, полосатый парус и сосны. И янтарь.

— Не похож на сивых лентяев, — Чихъ критически осмотрел его, — те длинные, костистые и волосы соломой. А ты почти чернявый, да и зеленых глаз у тех отродясь не встречали.

— А?

— Янтарное побережье.

— Нет. — Освальд мотнул головой. — Таких парусов там не встречается. Не смогу объяснить, наверное.

— Привык, живешь, — Чихъ почесался, — это правильно. Я вот скоро три десятка лет один брожу.

— Сколько?!

— Может, меньше, красавчик. А чо?

Освальд не ответил. Чихъ оказался не дедом. Такие дела, надо же.

— Медик как-то приезжал, легионный, — Чихъ сплюнул, — прощупал меня всего, неделю ходил, как кобель за сукой в течке. Говорил, мол, удивлен шибко, чо я живой до сих пор. Да-а-а, мол, ты, Чихъ, уникум, столько пить ни один организм не выдержит. Верно все, я сильный, почти вся сила Лисов ушла в меня.

Освальд сглотнул, увидев что-то странное. Странное блестело в видимом глазе старика, прожившего меньше полувека. Блестело настоящими слезами и вибрировало в треснувшем голосе.

— Почему пьешь?

Чихъ ответил не сразу.

— Курить листья оморочника мне нельзя, кашляешь, да и чуешь плохо… А водка, красавчик, если выпить больше, можно увидеть своих. На чуть-чуть, но можно. Ты же понимаешь меня, да?

Он его не понимал, Освальду некого было вспоминать. Память хранила обрезки, вместе не склеишь, не соберешь. Как-то попросил, оказавшись в Сеенхавене, помощи у Аккадиуса. Но старый маг, полдня убивший на бесполезную затею, лишь махнул рукой. Но Освальд не мог не кивнуть.

— Мужчины всегда сентиментальны. — Айна, отлепившаяся от ствола чего-то почти хвойного, вздохнула. — Лис, ты стар, тебе пора перестать ходить в лес. Ты не почуял меня.

Чихъ кивнул. И сплюнул.

— Ты ела горевитник в конце разведки, распутала вьюн, поймавший бурую кошку, сходила в кустики за триста шагов отсюда и чуть не столкнулась с кабанами. И стояла тут ровно как я рассказывал красавчику про подпаленные яички. Не иначе, как очень давно в лесу и только и думаешь, как бы себя потешить. Потому и не попросила меня помочь с перевязкой, да?

— Наглый Лис, — протянула Айна, — старый и наглый Лис… Ты отдохнул?

Обращалась она уже к Освальду.

— Да.

— Тогда пошли. Нам еще нужно сегодня успеть к Серой роще, укрыться и дождаться Амра. Поспешим, солнце еще не зашло. Приготовься умыться потом, там будет жарко.

Освальд кивнул.

Айна прищурилась, разглядывая его.

— Люди не любят такие глаза, они кажутся вам страшными. Зеленый и серо-голубой… — тилвегг улыбнулась. — Мне кажется,

что красиво.

— Так ты и не человек. — сплюнул Чихъ.

— Верно, Лис, я не человек. Пошли.

Они побежали, как могли, забыв о разговорах, печалях, горестях и обидах. Впереди была кровь, смерть и что-то хуже. Если они не успеют и не сделают правильно и до конца.

А лес вокруг жил и жил, почти не обращая внимания на трех двуногих, куда-то поспешающих по своим глупым делам. Шелестел кронами, скрипел стволами, подпевал ветру в верхушках деревьев. И игрался тенями, прыгающими внизу, все больше и больше размывающимися. Редкие прорехи между макушками зеленых исполинов уже не голубели чистым небом, становясь молочно-белыми и серыми, кучными и наливающимися влагой.

Бурая молоденькая кошка, опоздавшая вслед родичам на пир под деревьями с поющими птицами, неслась как могла. Даже не обегала, перепрыгивала поваленные трухлявые стволы, прячущие в себе ядовитых сколопендр, разноцветных змей и огромных полупрозрачных пауков. Голод терзал изнутри после двух суток, проведенных на окраинах чужих угодий и неудачи в охоте. Зов, рождавшийся внутри нее, безошибочно вел вперед, к теплой крови, к мягким после удара о землю птенцам, к лопающимся под ее зубами мягким хрупким птичьим косточкам.

Она остановилась один раз. Выгнула спину, зашипев, окаченная волной ледяного страха, накатившего на нее спереди. Черные вибриссы дрожали в такт всему телу, кончику вздыбленного хвоста и рождавшемуся внутри отчаянному вою. Кошка не боялась принимать бой даже с большими противниками, не бегала от черных и коричневых медведей, зная слабые места на подслеповатых мордах.

Год назад, почти котенком, кошка дралась за дохлую и уже вкусно пахнувшую капи с тремя волчатами-подростками. И победила.

В прошлую полную луну кошка гуляла с котом и столкнулась с пернатой смертью, вооруженной лапами с кривыми серпами когтей и огромным клювом. Кот погиб, а она смогла выжить только почти прокусив толстую кожу на шее и улетев в кусты после сильного броска.

И…

Кошка, мяукнув и прыгнув на высоту в четыре своих длины, одним рывком оказалась на дереве, впившись в кору и быстро залезая наверх, стараясь добраться до нижних ветвей и спрятаться среди листвы. С этим зверем кошка драться не могла. Страх победил все, даже страшно терзающий ее, недавно окотившуюся,

мать. Сегодня она не сможет добраться до рощи и вдоволь наесться. А ее котята, спрятанные неподалеку, скорее всего умрут. Молоко у нее не появлялось уже два дня.

Вытянутая серая тень внизу бежала раньше хозяина. Или хозяйки. Чуткий нюх кошки не помогал, не рассказывал — кто бежит внизу, рыща в поисках двуногих. Но это было неважно. Кошка боялась другого.

Странный серый зверь, мелькнувший внизу темными полосами, пах смертью.

Запретный лес-9: ручей, бурлящий алым

Странный серый зверь, мелькнувший внизу темными полосами, пах смертью.

Освальд выдохся ближе к вечеру. Ноги все же не выдержали постоянных перебежек, отсидок, таясь среди зелени, скольжения по склонам нескольких сырых оврагов.

— Лис! — коротко бросила Айна, кивнув на него Чиху.

— Упарился, красавчик? — дед ухмыльнулся. — А она, хоть и баба, говорила правильно. Чой ты таскаешь на себе стока железа, а? Ой, дурак-дурак… Давай, а то впрямь поломаешься и ведь не починишь, если что.

Освальд, скинув лямки с плеч, не разгибался еще долго, упершись руками в колени и хватая воздух. Немного позже и также жадно принялся хлебать воду.

— Впереди будет опасно, не всегда получится набрать. Вон там, под буком.

Айна показала на самый настоящий и обычный бук, что совершенно не должен был расти здесь. Расти рядом с лианами, свисающими через толстые ветви непонятных деревьев, с остро-яркими изнутри языками папортников и обманчиво-мягкими и пушистыми колючками араукарий. А он рос, а из-под его корней, промыв дорогу, выбегал родничок.

— Роща близко. — Чихъ мотнул головой вперед. — Петлю мы заложили неплохую, могли и успеть. Но…

— Но не успели. — Айна согласилась, кивнув. — Они были ближе. Засады не получилось. Боюсь, сейчас будут гнаться за нами.

— Эт ты, манку, верно заметила, — покладисто крякнул Чихъ, — эт еще как. Эй, красавчик, ножки отдохнули?

Освальд, не ответив, уже держал в руках арбалет. И, судя по всему, сделал это правильно.

— Вон туда! — Айна ткнула в сторону желтого пятна в прорехах зелени. — Там источники, там встретим. Берегите огонь, он понадобится дальше.

Сумерки тут, наверняка, падали на землю еще быстрее. Во всяком случае так казалось из-за постоянной хмари на небе, становящейся все гуще. Но пока света хватало — стоило сделать что-то правильно.

— С некромантом что-то не так. — Айна обернулась на ходу, смотрелась в сторону резких птичьих криков. — Амра что-то

сделали, что-то нехорошее, что-то…

— Да беги ты, дура! — рявкнул Чихъ. — Они уже рядом!

Дед был прав, это понимал даже Освальд. Птицы просто так не взлетают с веток стаями. А что шума нет, так на то они и дети Леса, эти Амра. Вот оно и началось… то самое, происходящее с ним постоянно. Дождался.

Завоняло тухлыми яйцами, да сильно, чуть не скрутив кишки в тугую петлю, грозящую взорваться всем съеденным за день. Ключи, значит, да горячие? Правильно, такое он несколько раз видел, за такие же, в Драгоше, брали хорошую плату с богатеев, желающих поплескаться в вонючей и лечебной водице. Все правильно, куда бежать от таких же лесовиков, как Айна и Чихъ, чующих запахи врагов как звери, если не в жуткую вонь? Лишь бы не упасть.

Ключи били из-под земли, бурлящие и покрытые густой сметаной пара. Травы и цветы тут не росли, лишь желтела земля, пропитанная испарениями и самой целебной водой. Земля, ставшая жирной грязью, липнувшей к сапогам и не желавшей отпускать. Айна почти прыгала по выпирающим наружу корням приземистых и широких деревьев, как и все вокруг выглядящих незнакомо. Совсем незнакомо, до мурашек от инородности всего этого зеленого ада рядом с обычной желтой осенью.

Беги, охотник, тебя загоняют. В который уже раз? Освальд даже не ответил бы, спроси его напрямую. Не из-за плохой памяти. Из-за остатков глупой гордости, из-за постоянного желания таких моментов — встать и принять бой. Честный, лицо к лицо, клинок против клинка… или клинков. Но глупые детство и юность давно кончились, таких глупостей Освальд себе давно не позволял.

И даже понял задумку тиллвег. Оценил и согласился. Получится или нет — вопрос другой.

Их заметил дозорный, их учуял пес, или кто тут в ходу, их выдали взлетевшие все же птицы. Все равно. Важна погоня и кто выиграет этот забег с боем. А еще важно — сколько вокруг Амра, ведь они явно не дураки и попробуют зайти с нескольких сторон. А это куда хуже. Трех человек, пусть из них двое не совсем обычные даже для него, видевшего немало, с парой-тройкой групп не справятся. Арбалет вряд ли окажется козырем здесь, где куда важнее умения и бесшумный шаг. Того, что народу Амра точно не занимать, не зря же несется, давно обогнав его, нестарый, но полностью седой дед Чихъ.

Он понял и саму задумку. Дерзкую, наглую и даже идиотскую. Но попробовать ее явно стоило. Болтов у него с собой на три полных зарядки арбалета. Хотя такого шанса, как

снарядить оружие еще раз, ему вряд ли дадут. Бить стоило наверняка и точно.

Ключи, бурлившие в больших промоинах между странных деревьев, выкипали, пробивали дорогу в глинистой земле, рвались дальше. Впереди, за желто-белыми рваными облаками, Освальд услышал ожидаемое: начинавшийся отсюда бег ручья. Неглубокого, но достаточного сделать единственно верное: попытаться уйти от погони, проредив ее, насколько получится. Выйдет — смогут уйти вниз по ручью и вернутся, закончить дело.

А преследователи уже не скрывались. Народ Амра все же имел привычку заводить свору охотничьих псов. Лай нагонял быстрее, чем Освальду хотелось. Да и ладно.

— Жди нас за двадцать шагов! — Айна хлопнула Чиха по плечу. — Прикрывай!

Они вылетели из парящего смрада, развеивающегося между тянувшихся вверх совершенно дико смотрящихся дудок обычного камыша. Понимать лес Освальд отказывался напрочь, такого принять он не мог. И просто перестал думать об этом. Странно, небывало и немыслимо? Да, это Квист, запретный старый и живой Лес, здесь и не такое можно увидеть.

Айна кивнула на широко раскинувшиеся кусты чего-то, смахивающего на разросшуюся в высоту жимолость. Сама, ухватившись за лохматые и, вроде бы шевелившиеся, лианы, забралась в крону невысокого деревца, похожего на комнатные цветы, становящиеся все популярнее в городах. Высунулась, знаком показала — бьет первая, он — вторым и растворилась среди листьев.

Пот Освальд уже не замечал. Квист, наверное, все же принял его, подарив немного своей милости. Он даже не щурился, не вытирал лицо, смахивая его. Волосы, как после купания липкие и тяжелые, сами собой раскинулись надвое, облепив скулы и щеки. По ним и стекали вниз ощутимо теплые дорожки. Или это был осевший пар? Или капли, долетевшие после бега по ручью. Какая разница?

Вдохнуть, выдохнуть, глубже, успокаивая разошедшийся ток крови. Освальд сплюнул, жалея, что нельзя глотнуть воды. Но… зачерпнул ладонью из ручья, погонял по рту, сплюнул еще, собрав вместе всю оставшуюся слюну. Так лучше. Дернул на себя шпенек, удерживающий лук, потянул рычаг, отправляя в лоток первый болт. Все, пока бегать хватит.

Он не увидел и не почуял, нет. Услышал. Почти неуловимые всплески, один за другим, становящиеся все ближе. Силуэты мелькнули немного позже, четыре штуки, стремительные и смазанные. Сам Освальд, скорее всего, промазал. Но он же был не

один.

Свистнуло, сливая вместе три быстрых и длинных смерти. Наконечники Айна подпиливала, как и он сам. Сейчас изуверство пригодилось, став как нельзя больше необходимым.

Троицу длинных существ, с короткой и блестящей черной шерстью, смахивающих на собак очень отдаленно, остановило сразу же. Вкручиваясь в плоть и брызгая острыми осколками, наконечники превратили их потроха в месиво, заставив тех сбить друг друга и оставив подвывать в стремительно краснеющей воде.

Освальду выстрелы тиллвег подарили миг, когда четвертая гончая, похожая на волкодава, волкодава, густо поросшего свалявшейся шерстяной броней, попыталась перепрыгнуть товарищей. Арбалет мягко щелкнул тетивой, болт попал псу в грудь, заметно скользнув по нечесаному панцирю, но зацепил лапу, прижимая к воде. Ждать, пока огромный зверь очухается, охотник не стал. Взвел тетиву, дернув рычаг и нажал на скобу под ложем, засадив вторую стрелу в голову. Зверь, не рыкнув, добавил красного в желто-мутный поток и замер.

Кусты дернулись, пропуская внутрь дротик, длиной в полтора локтя и с почти алым древком. Освальд ушел в сторону, в другую, не веря, что Амра успели так быстро. Следующее метательное копьецо, такое же ярко красное, чуть не воткнулось ему в ногу, доказывая обратное.

Откуда прилетело — Освальд заметил. И ждать не стал, выпустил болт в дрогнувшие листья, растущие из-за рассеивающегося тумана. Там завыли, и тут-то все и началось.

Народ Амра шел в бой яростно, воя волчьими голосами, но не безрассудно. Железо на себе — смешно? Освальду стало не до смеха. У преследователей оказались даже щиты, пусть небольшие, почти кулачные и кожаные, но щиты. Кожаные нагрудники, с темными выпуклыми бляшками, шлема из кожи и звериных черепов. Длинные копья с листами-наконечниками, палицы, топоры. И их оказалось десятеро.

Оставшиеся три стрелы арбалета он выпустил по передним, точно убрав двоих и не будучи уверенным в последнем выстреле. Еще двое свалились в ручей, мелькнув выросшими из шей стрелами тиллвег. Парочка, ревущий медведем великан и невысокий крепыш, решили заняться Айной. А вот Освальду выпали трое, блестящие глазами на лицах, темных от татуировки. Два копья и палица, утыканная костяными острыми шипами.

Освальд успел подставить арбалет под еще один дротик, запущенный все же только раненым Амра. Механизм лязгнул, скрипнул и треснул, встретив сильный удар. Им же охотник отмахнулся от первого напавшего, успевшего раньше других.

Просто кинул в лицо, заставив пригнуться и поднять руку с щитом.

Топорик самого Освальда нашел цель быстро. Охотник, сбив с толку ложным уходом в сторону и поднятой правой рукой с рогатиной, метнул его левой, почти просто надеясь на удачу. Вышло. Острое лезвие скрежетнуло, пробив лицевые кости сухого длинного Амра. Тот упал без звука, дергаясь и размахивая по сторонам руками. А охотнику осталось только танцевать с оставшимися двумя и надеяться, что раненый все же помрет.

Перья болта, торчавшего у него из паха, просто кричали об этом. Разлетевшийся наконечник рассек дикарю внутренности, нашинковав железом. Но умирать тот не спешил, все тянулся к валявшемуся поодаль последнему дротику. Освальд перехватив древко, вздохнул и начал свой первый бой в Квисте.

Биться на копьях страшно. В умелых руках нет оружия страшнее. Древко, серединой или пяткой, легко ломает кости, разбивает в лохмотья яйца с кишками, а наконечник, вот такой, похожий на широкий кинжал, рубит все на своем пути. Глазом не успеешь моргнуть, лишишься его или пары пальцев. Или просто заработаешь вскрытую артерию и красивый алый фонтан собственной крови.

Биться на копьях надо уметь. Освальд умел. И красный тугой поток ударил первым не у него, а у ближнего противника. Из бедра, после обманного финта, ухода в сторону, удара бедром в бедро соседа Амра и подлого удара, через ногу, с силой и на себя. Металл вскрыл плотные кожаные штаны, плоть и добрался до сосудов. Но все равно пришлось добавить пяткой рогатины в горло, сломав трахею и полностью выводя того из боя.

Палица упала в воду, ставшую совершенно красной и непрозрачной. Быстро закручиваясь вокруг корней и редких камней, поток растаскивал кровь, старался, как мог. Но крови оказалось много.

По боку скользнуло острое, чуть не развернув на месте. Но кольчуга спасла, заставила брошенный дротик уйти в сторону, точно оставив после себя синячище. И хорошо, если не треснуло ребро. Нужно убить целого и заняться раненым.

Освальд и последний Амра плясали в бурлящем смертью ручье. Танцевали некрасивую и опасную партию, выискивая бреши. Стук и скрежет, когда наконечник встречался со своим братом, скрежет и стук. Ноги двигались даже быстрее рук, выискивая правильную позицию, стараясь не оскользнуться, двигаясь ближе и ближе, пытаясь обмануть финтами. Отбить удар, добавить сбоку, отпрыгнуть, попытаться дотянуться острием хотя бы куда-то, пустить кровь, заставить ошибаться и уставать.

Посреди древнего темного леса, не пропускавшего внутрь солнце, двое спешили забрать друг у друга жизни.

Освальд успел перекинуть рогатину за спину, встречая неожиданный рубящий удар сверху. Древко загудело, но выдержало, не подвело. Он поднырнул под отскочившее копье, раскрутив рогатину и стараясь полоснуть по голеням Амра. Тот подпрыгнул, отлетая назад, хакнув и тут же ударив вперед, метясь охотнику в лицо.

Все правильно, он сам поступил бы также. Будь у него рядом напарник. Освальд отбил удар и шагнул вперед, одновременно прижимаясь вниз. Не ошибся. Воздух сверху разрезал свист летящего дротика. Влажно лопнуло горло Амра, не ожидавшего такой неудачи. Охотник помог ему сделать выбор, рубанул снизу, рассекая от паха и до… встретившись с нагрудником из неизвестной кожи, рогатина вдруг вязко вздрогнула, останавливаясь. Освальд плечом ударил Амра в живот, опрокидывая через себя и разворачиваясь для броска в раненого.

Не понадобилось.

Айна, шипя от удара, разрезавшего рукав и предплечье, дорезала бедолагу.

— Где Чихъ?!

Освальд, непонимающе, огляделся. И не увидел проводника.

— Ты думаешь…

Он не договорил. Дед, с головы до груди красный, вывалился из кустов дальше по ручью. Махнул рукой, зовя к себе.

— Там еще четыре руки Амра! Идут сюда! Я нашел разведчиков!

Четыре руки? Освальд нахмурился, но понял. Двадцать воинов, если верить Чиху, и уже рядом. Надо уходить.

— Тебя нужно перевязать. — Освальд повернулся к Айне. — Давай руку.

— Да, — нехотя согласилась тиллвег, — только сперва вот.

В небольшом кожаном чехле оказался какой-то порошок. Высыпанный на рану — зашипел, на глазах стягивая кожу и заставляя глубокую рану светлеть, запирая текущую кровь. Тиллвег вцепилась в плечо Освальда, зашипела сама, стиснув зубы.

— Белый мох. — Чихъ почему-то не сплюнул, стоя рядом и крутя головой. — А ты хороша, манку, если смогла его отыскать.

— Да пошел ты, Лис. — Айна шмыгнула носом, всхлипнув и не поднимая глаз. — Мотай, квестор, не трать времени. Нам повезло, эти попались молодые, хотели больше славы. Наверное, кто-то из сыновей младших вождей вел эти две руки. Заставил даже двух опытных воинов слушаться его.

— Точно, — согласился Чихъ, — вон тот самый, которому красавчик в яйца вогнал стрелу. Ты теперь для них будешь вообще желанным гостем. Чужак, оборотень и убийца надежды племени. Мне даже хочется на это посмотреть, чесслово. Из любопытства.

— Все Лисы болтуны. — Айна кивнула Освальду, затягивающему последний узел. — А ты, видно, вообще самый-самый.

— Эт да, — согласился Чихъ, — да и ладно.

— Понесешь арбалет с собой? — поинтересовалась тиллвег, кивнув на изуродованное оружие.

— Нет. — Освальд с сожалением покосился на такое хорошее оружие. И спихнул в ручей. Потянул оставшиеся стрелы, но Чихъ вдруг положил ладонь на его руку и замотал головой.

— Не нужно, нам еще драться. Мало ли, красавчик?

Спорить с ним Освальд не собирался. Лес вокруг одобрительно зашумел. Ну, или ему показалось.

Айна, прищурившись разглядывая его лицо, шевельнула губами. Как будто хотела что сказать, но передумала. Зашлепала по воде, так и не становящейся чище и перекатывающей на своей спине алые потеки. Чихъ, выудив из-за лохматых моховых бород, свисавших до воды, флягу, пошлепал за ней.

Освальд, чуть задержавшись, подобрал копье Амра, того самого, что так хорошо им дрался. Что-то заставило не пренебрегать чужим и незнакомым оружием. Странно, но луки у лесных убийц оказались, целых три штуки. Колчаны опустошила Айна, незаметно, но полностью. Почему не стреляли?

— Выходя на охоту на нас или даже вас, людей, — сказала Айна, оказывается, ожидавшая его, — Амра не пользуются стрелами. Считают такой бой позором для воина. Нам повезло, что тут был этот глупый мальчишка и всего две руки его людей. Но не расстраивайся, скоро тебе доведется попробовать весь вкус драки, когда их в два раза больше.

Бег продолжился. По ручью, становящемуся пока не особо глубоким, но и не терявшем в скорости. Приходилось осторожничать, нащупывать каждую кочку и выбоину в его русле. А слева и пока не догнав, шла погоня. Теперь ее чувствовал даже Освальд. Как человек чувствует собственную боль, даже когда та еще не успела всерьез начаться.

Лес оказался живым, так? Либо дело было в чем-то другом. Или что-то случилось с самим Освальдом, случилось странное, от чего вдруг в голове сами собой начали рождаться новые мысли. Вроде бы правильные, но не пойми откуда взявшиеся.

Погоня улавливалась в воздухе. Она дотягивалась через

волнения самого леса, передаваемое от дерева к дереву, от птицы к прячущимся зверям и зверькам. Ноги ощущали ее через подошвы, вибрирующую где-то за спиной своим быстрым бегом и топотом мягкой плотной кожи, мелькавшей над землей. Амра, точно знавшие о гибели братьев, не собирались отпускать беглецов. Пусть у них и не оказалось собак. Ну, или те не умели лаять.

Чихъ вдруг замер. Развернулся в ту самую сторону и побледнел. Освальд и Айна, недоуменно уставившиеся на него, поняли чуть позже. Одновременно с воплями, донесшимися до них. В криках и оре, долетевших через зеленую непроглядную стену, человеческого не слышалось, в отличие от страха и боли.

— Не нравится мне все это. — Айна втягивала воздух, вслушивалась. — Что это?

— Думаю, манку, что важнее другое. — Чихъ хмыкнул.

— Что?

— Кто это. — Дед все же сплюнул. Кто-то, уголья ему под ноги, сейчас убивает Амра. Одного за другим. И, хучь смейтесь надо мной, но мне оно тоже не нравится.

Последний вопль, тонкий и плачущий, пришел совершенно явственно. Как будто дикаря, с ног до головы раскрашенного татуировкой, ели заживо.

Запретный лес-10: костяной лес

Последний вопль, тонкий и плачущий, пришел совершенно явственно. Как будто дикаря, с ног до головы раскрашенного татуировкой, ели заживо.

— Бежим! — Айна вздрогнула и рванула с места, явно стараясь убраться подальше.

Оттуда, где сейчас умирало двадцать лесных воинов, несло ужасом. Несло так сильно, что Освальд вдруг чуть не потерял голову, чуть не бросился просто куда глаза глядят. Чихъ ухватил его за руку, свободной — вцепился в лицо, впившись пальцами как когтями. Освальд рыкнул, чувствуя убегающее багряное облако непонятного ужаса.

— Ты пил воду из ручья? — Чихъ хмурился.

— Рот сполоснул.

— Хорошо, — кивнул дед, — за мной.

И, снова, они побежали куда-то, уходя в сторону от цели. Искатель Освальд проверил мимоходом, сразу, как кончился бой. Тило ждал их там, откуда уже не доносилось ни звука убитых кем-то Амра.

Они неслись по ручью и по его левому берегу недолго, пока не опустились сумерки. В сумерках Айна решила сделать привал, и Чихъ с ней не спорил. Усталость накатывала сильнее, связывая уставшие мышцы, наливаясь тяжестью во всем теле. Второй день в Квисте оказался очень серьезным. Сколько они прошли и где срезали, чтобы достигнуть того самого непроглядного неба, как говорил Комрад, Освальд практически не понимал.

На лес вокруг опускался туман. Негустой, но липкий, опускающийся к земле и оседающий почти видимой сетью паутины, странно поблескивающей серебром. Айна, пропав ненадолго в чаще, вернулась довольная и потащила их за собой. След в след, как тиллвег и просила, прошли прямо через пока еще не ощетинившийся гьюффель. Ему-то охотник прямо обрадовался, почти как родному.

— Наше дерево. — Айна показала на прячущегося среди густых зарослей кряжистого великана, раскинувшего в двух человеческих ростах над землей сразу три толстенные ветви. — Тут остановимся. Идти опасно, выйдем с рассветом.

— Экая честь, — проворчал Чихъ, — надо же, ночное дерево манку.

— А ты и не знал, глупый старый Лис? — поинтересовалась Айна. — А-а-а, ты тут был и не понял. Аяяй…

Что сделала тиллвег? Освальд не понял. Просто сверху вдруг

опустилась прочная веревка с узлами. По ней пришлось подняться наверх и оказаться на развилке дерева, превратившейся в боевой пост. Так и есть, вон там, сплетенные из какой-то коры, стоят узкие высокие сосуды с водой, вон там, прикрытые чем-то вроде плетенки из листьев, запас стрел. Айна кинула ему круглое и пряно пахнущее, так и зовущее откусить. Этим Освальд и занялся, глядя на тиллвег, занятой еще чем-то непонятным.

Вниз, повинуясь трущимся ладоням, сыпалась едва заметная пыль, рассеивающаяся по часовой стрелке. Странно… но и тиллвег не молчала, двигала губами, неслышно повторяя скороговорку на своем языке. Чихъ, глянув вниз и вытирая мокрую от пота грудь, крякнул. Было с чего.

Гьюффель, росший в полном беспорядке, тянулся к ночному дереву, сплетался, замыкая ствол в кольцо, выпускал иглы.

— Можно поспать. — Чихъ довольно оскалился. — Мне нравится в гостях у манку.

— Спи. — разрешила тиллвег. — Завтра будет очень сложно. И страшно.

— Эт верно, — согласился дед, — я спать. Красавчик, если она потянет тебя с собой, не отказывайся. Говорят, у манку не как у обычных баб, а попер…

— Язык отрежу.

Чихъ фыркнул, устроился удобнее, завернулся в свой драный плащ-невидимку и пропал, затих, растворившись в густой темноте.

— Наелся?

Точно, наелся. Освальд сам не заметил, как съел очень вкусный колобок. Вода в туесах оказалась прохладной и… вкусной.

— Пойдем со мной. — Тиллвег показала кулак куче тряпья с именем Чихъ. — Надо кое-что объяснить.

«Со мной» оказалось наблюдательным гнездом, свитым из когда-то молодых и гибких ветвей на одной из торчавших в сторону больших. Сесть Освальд смог сразу, даже не ерзая, как под него делалось.

— Мой народ не живет в Квисте, — сказала Айна, — но мы торчим тут безвылазно. Не даем ему вырасти, как бы этого не хотелось нам самим.

— Как так? — Освальд прищурился, почти не видя ее. — А-а-а, понял. Вам совсем не дают жизни, извини. Кочевые альвы мыкаются между городами, селами и замками, ищут себе место, верно. Морских почти не осталось, а что есть, ушли на дальний юг, куда никто не добрался, либо заключили союзы с северянами и вольными городами у ледяного моря. Тиллвег всегда жили в

лесах, а сколько их вырубили за последние сто лет, верно?

— Да, — легко согласилась Айна, — так и есть. Только этот лес не обычный. Ты сам давно понял, особенно, когда Квист тебя принял и ты стал его чуять.

— Как такое возможно? — Освальд поежился от собственных дневных ощущений. — Я же просто человек, не лесовик, не…

— Он живой. — Айна не шевелилась, а голос, отражаясь от аккуратной плетенки веток, шел отовсюду. — И был таким очень давно. Мы, тиллвег, племя леса, мар-ши, племя моря, альвы, остатки племени равнин, не рождены первыми. Даже если такое рассказывали некоторые наши умники, это не так. Мой народ появился чуть раньше Лисов и Амра здесь, но позже Болотных. Чешуистые родились раньше. А Квист тогда уже жил много сотен лет. И был куда больше.

— Ну, хорошо. — Освальд пожал плечами. — Пусть так, это понятно. Но сейчас мы вместе идем в старом лесу за некромантом, дуром прущем к его сердцу. Почему ты это делаешь? Что там, в сердце? Кое-что понял, но услышать твою правду куда лучше.

— Всему свое время. — Айну невесело улыбнулась. — Вы, люди, пока этого не поняли. Ваше тоже закончится и на вас будут коситься другие. Мы защищаем мир, вырастивший нас, от того, что давно умерло. Здесь оно не хочет уходить, лезет к настоящей теплу жизни, желает пожрать, растворить в себе, раскинуть свои пущи повсюду. А вместе с ними вернутся те, кто почему-то так и не сгнил за тысячу лет, цепляясь за остатки былой силы. Стагг, к чьему храму идет некромант, старее некоторых кусокв янтаря на побережье. Он спит под зелеными плитами из мертвого камня, оплетенными цветами, превратившимися в пыль сотни лет назад повсюду, кроме Квиста.

— Стагг был богом Болотных, когда Болотные жили как люди. Потом их разум стал как у идиотов в городских лечебницах. Знаешь, которые ходят под себя и потом играют своим же дерьмом в мяч, орут, воют и считают, например, себя волками? Болотные ушли из жизни, став просто людоедами с далеких окраин, а потом остались только в Квисте. Как и куча странной живности, что нам не встретилась.

— Странно. — Освальд хмыкнул. — Комрад показывал трофеи, рассказывал о них. Птицы, выше человека, кошки с зубами, как ножи, дракон, оставивший след. А я встретил всего ничего.

— Их не так много, это во-первых.

— А во-вторых?

— Мой клан зашел в лес с моря, так, чтобы Квист это понял.

— Оттягивают зверей и прочих на себя?

— Верно, квестор.

— Я не квестор.

— Я знаю. Видела тебя в Вольных городах, давно. Ты не помолодел с того времени.

— Вот как. — Освальд усмехнулся. — Осталось только признаться Чиху и дождаться, что скажет он.

— Ему все равно. Лис живет сам по себе.

Освальд замолчал. Айна продолжила, тоже посидев сколько-то в тишине.

— Драконов здесь нет, полукровка с заставы погорячился. Есть звери, которые видели другое солнце и небо. Но их давно никто не встречал. Возможно, что последние все же ушли… и мне немного жаль. Среди них не осталось питающихся плотью, слишком много было нужно мяса и слишком маленькая стала дичь. Остались только питающиеся листьями, побегами и плодами. Оставались.

— Что нас ждет в храме Стагга?

— Бойня. — просто ответила Айна. — Если некромант…

— Тило Ноерми.

— Если Тило добрался туда сам, без помощи Амра, а так, скорее всего, и случилось, сейчас он готовится защищаться. Единственным способом, что умеет.

Вот оно как… С мертвецами, поднятыми из небытия, Освальд пока не сталкивался. Но верил. Нельзя верить своим глазам, видевшим Древнего в озерном городе, видевшим Сестру волков, видевшим подменыша троллей, и не верить в некроманта, умеющего поднимать павших.

— Да, ты правильно думаешь, — Айна усмехнулась, судя по чуть изменившемуся голосу, — что-то пошло не так, Амра ослушались воли Стагга, и Тило сейчас никому не верит. А падали в Квисте достаточно, даже если кажется обратное. Он сильный маг, другой не прошел бы через границу Номеда и не добрался бы в Квист. Стагг знает это, тянет к себе, оплетает своей ложью, обещает несбыточное.

— Хочет занять его место?

— Думаю, да. — Айна выглянула в темноту, появившись в едва щаметной прорехе между ветвей. — Стагг Древний, и даже самые старые из моего племени не знают, откуда он взялся. Может быть, таких как он было много, может быть, пришел откуда-то дорогами. Не известными ни нам, ни вам.

— Хорошо. Я готов. — Освальд усмехнулся. — Готов всегда. Смешно, но так и есть.

— Почему ты здесь? — Тиллвег явно улыбнулась каким-то

своим мыслям.

— Больше ничего не умею. Искать, находить, убивать… Иногда привозить живыми. Тило нужен мне живой.

— Ты уверен?

— Мое задание ясное.

— Плохо. — Айна вздохнула. — Ему не место в этом мире. Магия может быть разной, от ужасной и до необходимой. Но не искусство владеть мертвым телом, заставлять его делать немыслимое по своей воле. Я бы убила.

— Я бы тоже. Но у меня есть приказ.

— Хорошо, не повторяйся, я не глупая и хорошо слышу.

Освальд кивнул, не отвечая. Хотелось верить, что потом не возникнет проблем. Если Айна захочет убить малефика и будет на расстоянии, он ничего не сможет сделать. Так стрелять… так стрелять умеют далеко не многие из лучших лучников. Да и в ближнем бою, казалось ему почему-то, будет сложно помешать. Особенно только с рогатиной, топором и большим ножом. Без шпаги и даго Освальд все еще ощущал себя голым.

— Здесь есть луки. Хочешь взять завтра?

Луки? Освальд подумал, кивнул. Понял, что в темноте это глупо и открыл рот.

— Я увидела, что ты согласился.

Вот так вот, значит. Плохо…

— Я на твоей стороне, Освальд из старой Школы, — в голосе тиллвег скользнула усмешка, — мы с тобой не должны стать врагами. Нужен тебе некромант, так забери, я помогу тебе вывести его.

— Спасибо.

— Потом скажешь, человек. Или спи, Освальд. Нам нужно отдохнуть, а рассвет скоро.

Разбудил его Чихъ, уже цеплявший на спину флягу, совершенно безропотно и привычно. Айна, появившись сверху, протянула Освальду колчан со стрелами и лук. Не такой, как у нее, но куда лучше любого, раньше оказывавшегося в руках охотника.

Идти пришлось аккуратно, свет тут расползался очень неохотно. И когда Освальду уже не нужно было щуриться, разглядывая что-то, чуть дальше маячившей впереди тиллвег, они вышли куда и стремились.

Освальд замер, понимая, что видит перед собой. Стоял, смотрел, и старался не отводить взгляда от такого же внимательного, только застывшего и холодного. На него, вся в зеленой плесени и побегах мха, смотрела каменная женщина, красивая, обнаженная и вооруженная длинным копьем. Со

странно-опасным и не совсем человеческим лицом, лицом, также не похожим на тиллвег, застывшую чуть впереди.

А впереди, на холме, горбом поднимавшимся над лесом, виднелась странная и старая башня, увитая смертоцветом от фундамента и до остатков оплавившегося темного стекла вместо кровли. Идеально ровная треть половинки шара из стекла, колпаком накрывающего темную и полированно-блестящую блоками башню. Под ней, невысокий и негустой, рос подлесок. И даже отсюда Освальд заметил белое, тут и там, у самых корней.

— Костяной лес. — Айна обернулась к нему. — Храм Стагга за ним.

Продолжение следует

Пока, чтобы не было скучно, немного того, что будет в следующей части книги:

…

— Вставай, Глен. — маленький юркий Солти дергал друга за плечо. — Вставай!

Глен сел, уставился на него и вздохнул. Хотелось спать. Но…

Главное «но» уже слышалось невдалеке. Мар-бас Хайнрих Хорне, старший наставник морской школы, шел в их сторону. Равномерно стучала крепкая, хотя и тонкая трость, скрипели высокие капитанские ботфорты. Раз-два, раз-два, подъем, лентяи! Перчатка на эфесе тесака, бас Хайних не признает парадных мечей или шпаг, обзывая их «говенными зубочистками», годившимися только дамам юбки на танцульках в ратуше задирать. Встать, отродье водянки и морского цыгана, кто разрешал лежать! Ши-и-х, бац, ай, ой, простите бас Хайних! И трость, решившая больше не выбивать пыль из одеяла, стучит дальше.

Глен вскочил, вытянул чулки из-под тюфячка, съехавшего с кровати за ночь. Цаплей прыгая на одной ноге, торопливо начал натягивать правый. Шерсть, вымокшая вчера и не высохшая за ночь, налезать не хотела. Печи еще не топили. Городской совет дров не выделил, меценаты не вернулись с летнего отдыха и почти всех моряков города все еще носило где-то по волнам.

— Что это у нас тут? — проскрипел Хорне где-то за спиной и рядом с ухом Глена. — Еще одно недоразумение на голову воспитателей?

— Никак нет, бас Хорне! — гаркнул Глен, разворачиваясь на пятке. — Юнгмарен Гл…

— Рот прикрой, юнгмар. — наставник сплюнул на пол. — Вытри и бегом на построение.

Школа мореходов, просыпалась, одевалась, гомонила и выстраивалась у нескольких гальюнов. Мерзла в утренней свежести каменного мешка, отданного бывшим городским головой для будущих шкиперов, корабельных дел мастеров и штурманов. Стреендам, город, живший морем, хотел иметь достаточно хороших моряков. Слишком уж многие не возвращались назад, оставаясь где-то за окоемом, уходили на корм рыбам, сгнивали от цинги, захлебывались кровью в боях с пиратами.

Глен нацепил тугой красный кафтанчик, выделенный от

щедрот меценатов каждому воспитаннику, похлопал по бокам. Согреться не получалось, зубы стучали друг о друга. Ногой затер плевок, ненавидя баса за такой поступок, и поискал глазами друга. Найти того не получилось. Солти уже убежал к дальнему гальюну, втесался в очередь, разгоняя совсем лопоухих первогодков.

Школа, помещавшаяся в переделанном двухэтажном пакгаузе, недовольно гудела. Наставники, басы, уже не орали, работая тростями. Тресь, шмяк, уууу, за что, бас Хюмле, я ж… а-а-а, не надо за ухо! Хорне прикрикнул на слишком ретивого и совсем молодого, всего пять лет в море перед приходом в школу, Хюмле, разменявшего двадцатую весну, собрался ковылять дальше.

— Здравствуй, шкипер. — Стук-стук-стук деревом по дереву, Роди, старый добрый Роди подошел из своей комнатки.

— Здравствуй, боцман. — Хайнрих пожал шероховатую клешню без мизинца и безымянного. Хватка у друга все еще ого-го. — Хорошо спал, старый пес?

— Суставы ныли, шкипер. — Роди хохотнул, — А так как от старушки Ми вышел в лучшие годы.

— Рановато прикладываешься. — Хайнрих вздохнул. Запах грога не скроешь. — А если попечители появятся?

— Рановато им появляться, еще тепло и хватает дел за городом. — Роди с хрипом прочистил горло, харкнув куда-то в угол и тут же поймал пробегавшего воспитанника, отправив того за тряпкой. — Странные новости, шкипер, чтоб мне в море не выйти.

— Ты был в порту? — Хорне стоило догадаться и самому. Говорится же, варишь грог — жди гостей на запах. С утра в школе ничем таким не пахло. Раз так, то где еще можно принять ядреного пойла, сроднившегося с моряцкими душами, как не в порту?

— На пристанях. Хотел, шкипер, прикупить свежих гребешков, сазанки, может даже и акулий плавник.

— Роди, — Хорне стукнул тростью — так-так. — Я не сержусь на тебя, только не нализывайся как в последний раз, и не трави попусту. Рассказывай.

— Лодки не вернулись с ночного лова. — Боцман хотел еще раз прочистить горло, наткнулся на тоскливые глаза воспитанника, ждущего рядом, и передумал. — Ни одна. Уходили далеко, вчера вернулся «Гульди», ребята видели морских маток. Так что, сам понимаешь, лодки ушли в Зеенсмарку.

Хорне стукнул тростью, и еще раз. Так-так, глухо отозвались доски настила. Так-так, каждый раз, когда шкипер задумался.

Так-так, этот звук Роди слышал перед тем, как в последний раз видел свою ногу. Каракатицу ему самому в зад, но боцман испугался.

— Что еще видели парни с «Гульди»? Паруса, корабли, еще что-то?

Зеенсмарка, чертов архипелаг, кусок земли, торчащий в трети дневного перехода для баркасов. Странное место, постоянно окутанное туманами и нередко подкидывающее неожиданно выскакивающие мели.

— Да нет. — Роди почесал затылок, проведя по волосам, отросшим по плечи. — Они шли с южной стороны Зеенсмарки. Туман, никаких тебе кораблей, кроме нескольких доккенгармцев, так те прошли еще раньше, шли к Оловянным островам, вроде как.

— Кракен, марегейсты, серпенты?

Роди понимал, к чему клонит шкипер. Выброситься на мели Зеенсмарки, пусть и новые, незнакомые лоцману, все карбасы не могли при всем желании. Тем более, на морских маток, огромных и добродушных тюленей, всегда ходил и люггер. Раз так — что за напасть?

Кракены редко подходили к берегу, предпочитая открытое море. Марегейсты, утопленники, куда более схожий вариант. Но разве хотя бы раз видели их здесь, у самого Стреендама? Не говоря про отрицание их церковью Мученика, и покаяние, налагаемое на пускающих «байки», как говорит отец Гьюнт. Вот только Роди-то прекрасно знал, что его шкиперу плевать на слова какого-то борова, закутанного в красный балахон. И кого-кого, а марегейстов видеть приходилось им обоим. И не только видеть, трость Хорне тому доказательство. А серпенты, морские змеи, осенью уходили на юг, и это знали они оба.

Одноногий боцман покачал головой.

— Не нравится мне все это. — Хорне стукнул тростью. Так-так, отозвался настил. — Хотя сейчас мне куда больше не нравятся трое нахалов, пытающихся пролезть на завтрак без очереди. Пошли, боцман, нам с тобой пора заняться экипажем.

Старший наставник, стуча тростью и прихрамывая еле сгибающейся ногой, пошел дальше. Хозяйство ему на старости лет досталось скудное и плохо управляемое. Учились пареньки с восьми-десяти лет, по три с половиной лета. Потом отдавали корабельной науке еще полных три и лишь затем уходили в люди: маре-гарды, боцманы, квартирмейстеры, плотники. Недавно еще пришлось переезжать и это только добавило хлопот. Вон, старшие, стоит отвернуться, уже тиранят малолеток, прогоняют от дырок в плитах, заставляют самых слабых

пробираться на кухню и таскать им еду. Старший наставник Хорне не любил наглецов, сам смолоду натерпелся.

А что с ними поделаешь? Набирают в основном из портового сброда, сироты, дети не вернувшихся моряков. У богатеев детки в море или не идут, или учатся под присмотром отцовских капитанов, спят в каютах на корме, едят даже не с матросами. Не говоря уже про то, чтобы спать с ними на одной палубе… м-да. Хорне вздохнул, глядя на помощников, выстраивающих воспитанников, ловящих носами не самые, чего уж там, аппетитные запахи с поварни. Ничего-ничего, даст Мученик и трое непроизносимых морских братьев, сколько-то да сможет повесить на грудь капитанский жетон. А остальные?

Остальные вылетят за воровство еды с кухни и вещей у своих же собратьев с наставниками, за драки и задирание «золотых» из школы на главной улице, стоящей через два перекрестка. Кто-то, никак не меньше десятка, потонет во время учебных плаваний на трухлявом старье, выделенном школе. Еще, с пяток голов, умрут от болезней, падений с мачт, зубов водных ящеров и обычных акул. Кого-то зарежут во время глупейшей стычки с матросами в портовом кабаке, а кто-то поддастся и выйдет с ножом на того же «золотого», только ставшего к пятнадцати годам отпетым рубакой и сорви-головой. Хотя… на памяти Хорне бывали случаи, когда воспитанники Морской школы плевать хотели на правила поединков у «золотых», выходя против, пусть и большого, но всеж таки кинжала — с корабельным тесаком.

— Эй, Грим, проследи за младшими, кого-то уже потерял! — Хорне махнул рукой в сторону самых маленьких красных кафтанчиков, следующих в сторону огромной столовой, устроенной на месте бывшего большого склада. Запах от кож, специй и прочего товара там до сих пор так и не выветрился.

Малолетки топали вперед, сбиваясь в широком проходе. Грим считал по головам, ругался, норовя сорваться на соленую матросскую ругань, хватался пальцами за грудь, памятуя о прошлом. Да-а-а, а ведь верно, кто мешает вернуть бывшему боцману, просоленному с головы до пят, его медную дудку, висящую на цепи?

— Роди! — старый друг тут же оказался рядом. — Найди в порту дудки воспитателям. Будем сразу приучать к командам.

Роди кивнул и застучал деревяшкой левой ноги в сторону ворот. Все бы слушались так, как он…

— Глен? — Хорне покосился в сторону застывшего юнгемара. — Почему не со всеми?

— Хотел спросить, бас…

Что хотел спросить воспитанник Глен Хорне, единственный

сын умершей не родной, но младшей сестры Хайнриха у своего дяди, он так и не услышал.

Через окошко под самой крышей, разгоняя звуком мирно чирикающих воробьев, внутрь вошел звук рога, идущий с моря.

*****

— Ну просто настоящий атлас. — Мужчина провел рукой по спине лежавшей рядом женщины. А, вернее, скорее девушки. — Хорошо же быть дочкой герцога.

— Графа. — Златовласое и большеглазое создание выгнулось кошкой, покрутило из стороны в сторону аккуратным задком, с все еще не прошедшими и красными отпечатками мужских ладоней. — И не всегда хорошо.

— Не верится. — Кровать, сложенная из широких досок и накрытая шкурами, жалобно скрипнула. Макушка мужчины, не менее золотая, чем у девушки графского рода, почти упиралась в маковку шатра. — Что может быть плохого у маленькой графини?

— Ну-у-у… ай, не щипли ты меня, больно же! Тебя когда-нибудь заставляли учить обязательные семь танцев или скакать только в дамском седле?

Мужчина хохотнул и вместо щипка — шлепнул. Тихонько, но златовласка все равно взвизгнула.

— Не пищи. Эй, вина!

Полог, шитый золотой нитью, откинула невидимая изнутри шатра рука. Торопливо, стараясь не запнуться о сбитый ковер с юга, присеменила рабыня, светловолосая и широкобедрая, бережно прижимая к груди запыленную бутыль. Стараясь не поднимать взгляд на мужчину, усмехнувшегося в густые усы, мягкой тенью скользнула к низкому столику на гнутых ножках, инструктированному костью и замысловатой резьбой по палисандру.

Девушка на кровати презрительно хмыкнула, глядя на светлое широкое платье рабыни, на маленькие руки со следами от цыпок, на ошейник на шее. Доски под ногами ощутимо дрогнули, сразу же после резкого щелчка какого-то механизма. Бутылка скользнула вниз, грустно треснув вроде бы прочной обожженной глиной, следом мягко забулькало. Мужчина почесал живот, густо поросший мягкими волосами поверх тугих мышц. Втянул носом терпкий запах:

— Из Абраксаса и последняя бутыль.

Рабыня уставилась вниз, стараясь даже не вздрагивать.

— И когда, интересно, у меня появится возможность найти еще такую же? Не знаешь, Вель?

Та покачала головой.

— А еще знатного роду, надо же. Милая, ты знаешь о том, что Вель у нас откуда-то… откуда ты?

— Доккенгарм. — шепнула рабыня. — Доккенгарм, мой эрл.

— А, да. Моя баронессочка Вель.

Девушка на кровати вздрогнула, сглотнула, подтянула колени к подбородку и прикрывшись первым, что попало под руку, шкурой волка.

— Вель?

— Да, мой эрл.

— Ты была хорошей слугой.

— Нет, гос…

Она не успела продолжить. Рукоять боевого тяжелого топора, покрытого золотой насечкой и с простой, вытертой кожей оплетки, казалось, сама прыгнула навстречу широкой сильной ладони. Удар смазался в один блесткий взмах, сменившись россыпью алого по светлой ткани обивки шатра. Златовласка на кровати заорала и тут же зажала ладошкой рот, безумно уставившись на мужчину.

— Ругер!

— Да, мой эрл! — Голова в стальном шлеме возникла в раздвинувшемся пологе.

— Скажи, чтобы убрали и захвати вот эту, что прячется в шкуре, на корму, дай поиграться с ней парням перед боем. Потом надень ошейник и объясни — что мне от нее нужно.

— Нет! — Девушка выскочила из-под волчьего меха, скатилась на коленках вниз и прижалась к ногам мужчины. Нет, не так.

Захваченная на побережье Шварценхаффена Альба Мессермайер, урожденная средней дочерью барона Герда Шлосс-Мессермайера вцепилась пальцами с аккуратными и пока еще ухоженными розовыми ногтями в икру эрла Гуттруна Сильбарда Злого, выбранного прочими эрлами западного побережья вольного Норгейр военным конугом.

Гуттрун отпихнул ее в сторону, наподдав напоследок пяткой прямо по задку, что не так давно гладил и ласкал. Дальнейшая судьба Альбы его уже не интересовала.

За толстым, шитым серебром, шатром гудели, гоготали, точили сталь, прилаживали доспехи, затягивали ремни. Скрипело дерево щитов, лязгали готовые к бою мечи, убираемые в ножны. Громко присвистнул кто-то из телохранителей, явно завистливо проводив взглядом Альбу. Ту, судя по крикам, утаскивали на корму, на ходу щупая и шлепая.

Из шатра Гуттрун вышел спустя совсем немного времени. В бою эрл предпочитал не красоваться роскошью, как многие

прочие хевдинги. Кожа и сталь, удобный шлем с забралом и хауберком, панцирь из Западного номеда, короткий меч у пояса. Конуг осмотрелся, втянул в себя свежее дыхание моря, его королевства, и того, что считал своим домом.

Там, на побережье Норгейр, родины, скупой к своим сыновьям, у Гуттруна был другой дом. С высокими каменными стенами, не в пример живущему по старинке большинству соседей и родичей. С крышей из медных листов, не пропускавших ветер, снег и дождь. С надежным двойным частоколом, заполненным внутри землей и камнями. Крепкие корабельные сараи, сухие, полные всего необходимого для починки, всегда ждали пятерку двухмачтовых «драконов», с широкой белой полосой по бортам и синим шелком на парусах. Еще два старых, но крепких, обычно шныряли взад-вперед, охраняя границы владений Гуттруна. Рабы и рабыни, мастерские и умельцы в них, несколько стад коров, свиней, птица. Всего этого он взял в достатке, да еще больше прижил с помощью умной старшей сестры, так и не вышедшей еще раз замуж. Но настоящим домом эрла Гуттруна Сильбарда была палуба и шатер на ней.

Хлопки парусов, скрип весел в уключинах, плеск волны за бортом. Дружная песня гребцов и стихи певца, играющего для его ребят во время переходов. Соленый и холодный ветер, капли дождя и морось тумана, крики чаек и морских воронов, рев глоток воинов, берущих судно врага. И это знал каждый из бойцов, пошедших с ним и не говоривших шепотом у костров о Гуттруне, владельце стад, рабов и почти замка, как у береговых крыс. Нет-нет! Северяне-храбрецы, доверившиеся Злому, ожидающе прищелкивая пальцами, жаждавшими тяжелых монет и ожерелий, золота волос южанок и черноты густых грив женщин имперскихномедов, между собой говорили о воинской удаче Злого. И радовались своему чутью, выбравшему именно этого конуга.

Светловолосые, как прибой во фьордах родины. Рыжие, как пламя над горящими домами. Черные, как просмоленные борта «драконов». Бородатые и гладко выбритые, с длинными усами и выскобленными подбородками. С золотом насечек на дорогих клинках и с синевой простой стали. Его воины.

Гуттрун, опустив забрало, гулко прогудел из-под стали, закрывающей лицо, разносясь над соленой водой и просмоленными кораблями.

— Эй, парни, потрясем этих выродков, этот помет береговых свиней, по скудомию своему считающих себя достойными ходить по скатерти Великой матери?! Поджарим жирных купцов, не почитающих колыбель кораблей кровью и сладким живым мясом!

Мы возьмем этот муравейник, попробуем их жен и дочерей, выпьем мед и пиво, выпотрошим кошели и набьем каждый из наших «драконов» золотом! Порадуем Одноглазого, что встретит каждого в начале огненной тропы!

Рев, звон и треск взвились вверх. Гуттруну верили и верили в него. Все воины, ушедшие за ним на пока еще небывалую осаду города, ни разу не сдавшегося ни одному захватчику, радовались. Стучали топорами и мечами по щитам, били пятками копий в штурмовые настилы поверх палуб, ревели, глядя на выбивающиеся из-под шлема золотистые волосы. Гуттрун Злой довольно кивнул и махнул эрлу Гармфордреда, своему сводному брату Рекану, держащему в толстенных руках тяжелый литой рог.

Рог загрохотал, металл голоса вестника войны поднялся, закручиваясь в хобот смерча, отскочил от туго скрученного паруса и улетел к высоким стенам из черного камня. Стенам двух фортов, закрывающих вход к Стреендаму.

И ему ответили. Ответили не со стен города или укреплений, нет. Тяжелый звук, идущий из двойной, блестящей спиралями буцины, пришел из-за них. Ударил гулко и сильно, прошелся эхом над волнами отражаясь от них, волнуя гладь серо-зеленой воды, с шумом ударившей о смоленые скулы «драконов». Скрепившие договор с Гуттруном, не обманули и пришли.